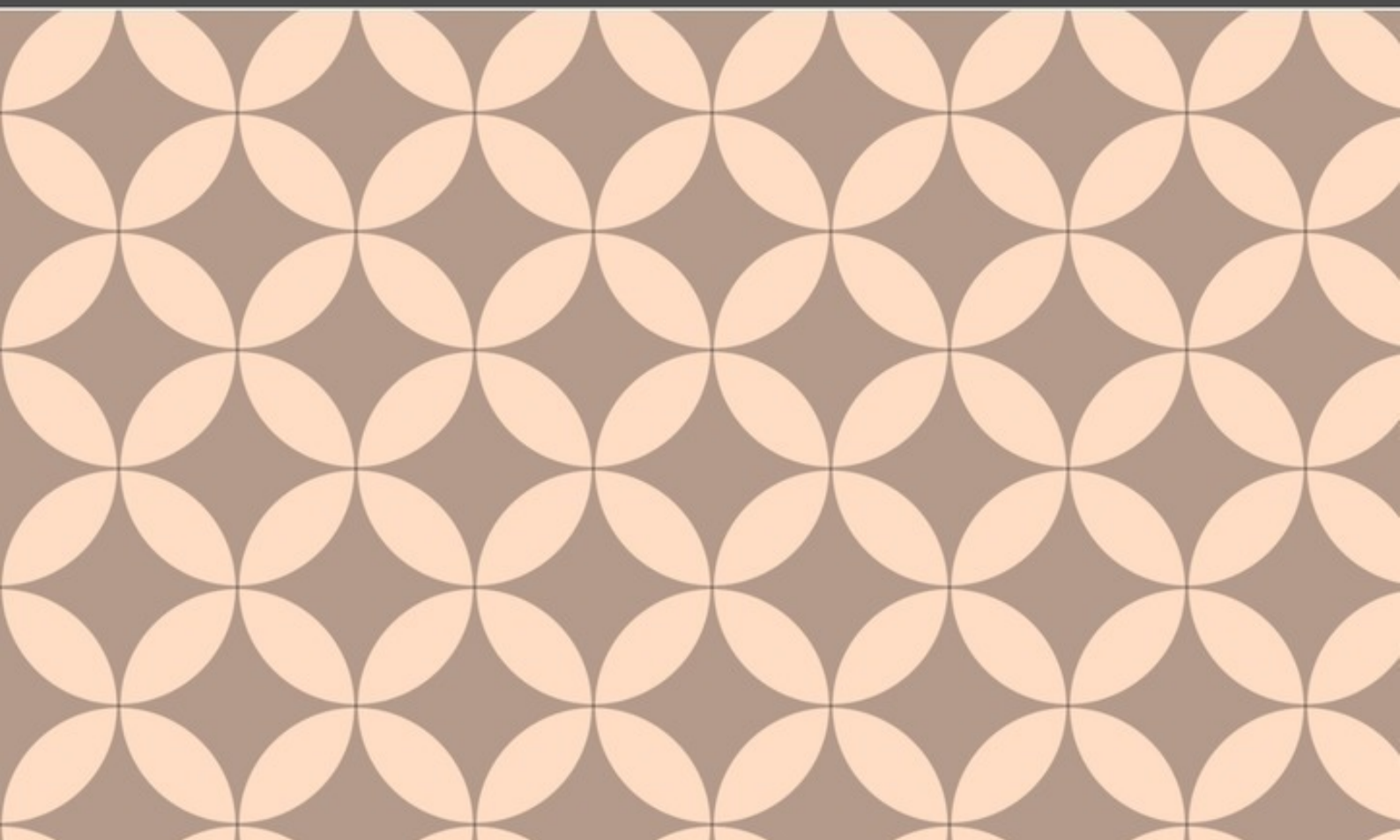

Александр Чиненков

Возвращение домой

Повести и рассказы

Александр Чиненков

**Возвращение домой.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Чиненков А. В.

Возвращение домой. Повести и рассказы / А. В. Чиненков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839140-8

Произведения А. Чиненкова, вошедшие в настоящий сборник избранной прозы, ранее издавались в газетных и журнальных вариантах. Отлично зная человеческую психологию, автор тщательно описывает глубину и серьезность народной жизни. Правдиво, осторожно и страстно рисуются суровые картины, трагические судьбы, неукротимые страсти. И во всех без исключений произведениях речь идет о праве выбора и о достойном выборе.

ISBN 978-5-44-839140-8

© Чиненков А. В.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕСТИ	6
Возвращение домой	6
Война милиционера Сумкина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Возвращение домой Повести и рассказы

Александр Владимирович Чиненков

© Александр Владимирович Чиненков, 2017

ISBN 978-5-4483-9140-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОВЕСТИ

Возвращение домой повесть-быль

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

После презентации моей книги «Салмышская трагедия» (издательство им. Донковцева, г. Оренбург) ко мне подошёл казак Виктор Денисов и поделился впечатлениями о рассказе казака 1-го отдела Оренбургского казачьего войска Василия Тимофеевича Боева о том, как он в 1920 году возвращался в родную станицу Павловскую. Еще в 1975 году его внуки записали уникальное повествование на магнитофон.

Размагниченную ленту родственники Боева передали Виктору Денисову по его просьбе. Благодаря современным технологиям он восстановил запись и любезно предложил мне для написания этой повести.

Я посвящаю её светлой памяти доблестного оренбуржца Василия Боева и других казаков-героев, которые участвовали в Гражданской войне.

*С уважением, Александр Чиненков,
член Союза российских писателей.*

1.

Ночь выдалась непроглядно тёмной. Пурга началась ещё днём, когда казаки обедали в глухой деревеньке со смешным названием Холмогорка. Небо заволокли тяжёлые тучи, поднялся ледяной пронизывающий ветер. Единственная улочка, дворы в мгновение ока были занесены снегом.

К утру метель прекратилась. Сотня ехала по тайге колонной. Лошади по грудь проваливались в глубокие сугробы. Казак Василий Боев сорвал на ходу сосновую веточку и с наслаждением понюхал.

– Как хорошо пахнет, – сказал он негромко. – Э-эх, жаль, что на родине нашей эдакие деревья не произрастают.

– Помолчал бы ты, Тимофеевич, – буркнул ехавший рядом Иван Инякин. – Есаул что сказал? Двигаться без лишнего шума – красные кругом...

– Красные нынче по избам сидят, – огрызнулся Боев. – А я не из пужливых, понял? За столько годков, сколь воевать довелось, я и вовсе позабыл, что такое трусость...

И действительно, давно уже потерял счёт боям, в которых ему приходилось участвовать, казак Василий Боев. Начал с Первой мировой и всё никак остановиться не мог. Теперь вот на Гражданской воевать приходится: Дутов мобилизацию провёл, вот и полез он в седло и поскакал туда, куда было приказано.

А на войне случалось всякое. Участвовал Василий и в наступлениях, и отступлениях. Сначала было страшно, а потом пообвык. Он усвоил одно правило – суждено остаться живым, значит, смерть стороной обойдёт, ну а суждено погибнуть, то смертушка тебя везде, даже в глубоком погребу, настигнет!

Колонна остановилась. Дорогу преградила широкая река. Мост через неё был взорван. Возглавлявший сотню есаул Болотников сошёл с коня и созвал казаков на совещание.

– Что делать будем, станичники? – спросил он, глядя на реку. – То, что переправа разрушена, – видите сами. Переходить реку по льду рискованно. Морозы только-только давить начали, и не шибко окреп он.

Казаки загудели, обсуждая сложившуюся ситуацию.

– А что делать, переходить по льду будем, чай не впервой! – крикнул кто-то. – Рады бы перелететь, да вот крыльев ни у нас, ни у коней наших нету!

– А что, ничего больше не остаётся, – поддержал крикуна ещё кто-то. – Только не всем скопом враз на лёд выходить. По одному, цепочкой идти надо!

– Тогда я первым пойду, – сказал есаул, беря коня под уздцы. – А вы следом ступайте...

К всеобщей радости, лёд выдержал, хотя подозрительно трещал под ногами людей и копытами коней. Перебравшись на другой берег, казаки облегчённо вздохнули.

Есаул посмотрел на реку и перекрестился:

– Слава тебе, Господи, что и на этот раз спас и сохранил нас. Подсоби нам, Господи, до дома живыми добраться. Хватит, навоевались, спаси наши души грешные, Царь Небесный!

Казаки сняли шапки и закрестились. Каждый из них хотел то же самое, что высказал есаул. Они стремились домой, в свои избы, к детям и жёнам. Они верили в Бога, только в Бога и ни в кого больше. Он хранил их и оберегал. Они молились Господу перед каждым боем. Казаки верили, что только из божьей милости все они живы.

«Господи, спаси и сохрани нас, – думал Василий Боев, устремив глаза в небо. – Богоматерь Табынская, заступница наша, не оставь нас. Все мы верим, что доберёмся домой. Ведь не на войну идём, а с войны возвращаемся. И я верю, что увижу своих родных не с небес, а ещё на свете этом. Господа с Колчаком во главе бросили нас на съедение большевикам, но есаул наш что-нибудь придумает, он казак грамотный, башковитый. Хорошо бы шагу прибавить. Уж очень домой хочется, а мы плетёмся, будто мыши...»

– Казаки! – есаул вдруг громко обратился к своим подчинённым. – Казаки, мы отступаем. Мы идём домой, станичники! Я знаю, о чём мысли ваши. И я понимаю вас, станичники! Мы все отдаём себе отчёт в том, что теперь предоставлены сами себе и никто нам не поможет, кроме Господа Бога! А я жду от вас поддержки и дисциплины!

– Да мы и так вроде бы все тебя слушаемся, Гаврилыч! – выкрикнул кто-то из казаков. – Только вот дойдём ли теперь до дома? Тайга кругом да вражины красные. Разве позволяют они нам идти беспрепятственно?

– И я сумлеваюсь в том! – выкрикнул Иван Инякин. – Где Колчак? Нет его! Сбёг подлюга! Мы теперь тоже никто. Зверюги лесные, вот кто мы есть, братья! Как только красные нас увидят, церемониться с нами не станут!

– Верно говорит Иван! – выкрикнул ещё кто-то. – Не пощадят нас красные, как только из тайги высунемся! И с боем пробиваться тоже не можем! Нет на то у нас значимой силы. Порастратили мы её, и есть теперь не сотня боевая, а жалкие недобитки!

– Красным сдаваться надо, – загудели казаки. – Они ведь не кайзеровцы немецкие, а, как и мы, души православные! Ну было дело – поцапались, повоевали... Теперь вот готовы оружие сложить и раскаться, ежели они того пожелают!

И тут мнения разделились. Кто-то одобрял предложение сдаться, а кто-то считал подобный шаг безрассудством и предательством.

– Вы что, братья! – орали одни с пеной у рта. – Да чтоб на поклон к красным? Да они тут же расстреляют всех нас без разбору! Рубить их надо везде и всюду, а не бошки склонять перед этими паскудами!

– Ишь, герои какие выискались! – огрызались другие. – Воевать хотите, отделяйтесь от нас и путём своим следуйте. А мы хоть кому в ноги поклонимся, живыми бы остаться и до дому дойти! Хватит, навоевались уже! Профукали мы то, за что кровушку проливали, и теперь принять готовы правду большевистскую и жить эдак, как нам укажут, хоть собаками побитыми!

За считанные минуты страсти накалились. Промедли есаул ещё минуту, и спор перерос бы в вооружённое столкновение. Когда казаки стали доставать из ножен шашки, он выхватил револьвер из кобуры и громко крикнул:

– По ко-о-оням! Застрелю каждого, кто приказ мой не выполнит, крикуны бородатые!

2.

Казаки послушно вскочили на коней, и сотня продолжила свой путь по занесённой снегом бескрайней тайге. Злые друг на друга, они ехали молча. Лишь поскрипывал снег под копытами лошадей да слышались всхрапывания голодных животных.

Василий Боев был сторонником тех, кто предлагал сдаться красным. Храброму казаку было страшно от того, что они теперь одни в огромной тайге, а если предположить, сколько им ещё предстоит по ней ехать, то... Правы те, кто считает, что красные тоже русские люди и с ними можно будет договориться.

«Нет у нас другого пути! Конец! Дальше терпеть невозможно, – думал Василий, глядя на широкую спину ехавшего впереди казака. – Нас вши поедом жрут, скоро мы с голодухи передохнем, а чего ради? Уж лучше сдаться красным, глядишь, и помилуют... Эх, чему быть, того не миновать, поживём – увидим. Ну а ежели расстреляют нас, то пусть так и будет. Отмаемся от жизни земной и, куда Господь укажет, уберёмся...»

От всех этих дум, несмотря на мороз, на лбу Василия выступил пот. «Ежели не расстреляют нас красные и по домам отпустят, то уже скоро родных своих увижу. – Он провёл рукавицей по лицу. – А увижу ли? Вон между казаками пропасть разверзлась, а ведь не один год из одного котла похлёбку хлебали и плечом к плечу в бой шли. А сейчас будто кошка чёрная пробежала. Или они озлобились на весь свет белый? И есаул всё оглядывается, пытаясь что-то разглядеть в наших угрюмых лицах. А что можно увидеть в глазах тех, кто потерял в этой суматошной жизни?»

Орудийный залп грянул неожиданно. Несколько снарядов разорвались рядом с сотней. Конь есаула упал первым, спасая своим телом седока, который застрял ногой в стремях и не мог освободить её.

Десяток орудий били по казакам, по земле вокруг них. Залп за залпом, взрыв за взрывом. Свист разлетающихся осколков, гулкий вой летящих снарядов, которые падали и разрывались вокруг метавшихся в панике людей. И нигде было укрыться от смертоносного огня...

Живые и раненые, выбитые из седел взрывной волной, вжимались в перемешанный с землёй снег, втягивая головы в плечи. Всем хотелось жить, но смерть прибирала одного за другим. Разрушительный вихрь дробил людей, разрывая на части тела.

Василий лежал в воронке от разорвавшегося снаряда, а справа, склонив голову, точно о чём-то задумавшись, лежал Кузьма Прохоров. Осколок снаряда попал ему в затылок, и казак так и замер, даже не почувствовав смерть. А дома его ждала невеста, и он мечтал жениться на ней.

С разорванным животом, с бессильно разбросанными руками и ногами, точно чучело огородное, распластался на земле Андрей Крючков. А ведь он мечтал вернуться домой к жене и детям и собирался поступить в станичную школу учителем и разъяснять детям, что война – это зло.

– Василий, послухай...

Боев приподнял голову и увидел Еремея Андропова. Казак лежал на животе, а на спине, разорванной осколками, расплылось кровавое пятно.

– Васька, послухай меня, – схватил его за руку умирающий. – Я всё... Мертвяк я, Васька. А ты жив и долго жить будешь. Просьбу мою исполни, Васька...

– Эй, чего ты, не помирай, мать твою! Ты же... – Василий не нашёлся, что сказать.

Молодой, очень красивый казак, земляк к тому же, погибал рядом, и уже ничем нельзя было ему помочь. И он не мог отказать ему в последней просьбе.

– Васька, жинка у меня молодая, знаешь же, – зашептал умирающий. – Передай ей, что я не трусом помер. Ты же знаешь меня, Васька. Я же никогда не сгибал головы под пулями и не показывал врагу спину. Я же...

– Знаю-знаю, – едва сдерживая слёзы, сказал Василий. – Ты геройский казак, Ерёма. Ты...
– Она, Варвара моя, самая красивая в станице. Ты же знаешь об том, Васька...
– Спорить не буду, самая, – вздохнул Василий. – Я и батьку её знал, безвременно умершего.

– А я души в ней не чаял, Васька, – сказал умирающий, и Боев заметил, как блеснули слёзы в его глазах. – Она же... она же...

– Ты ещё её увидишь и приголубишь, – пытался утешить Василий. – Ты, Ерёма...

– Нет, не говори ничего, меня послухай, – прошептал тот из последних сил. – Как помру, крестик мой сними и супруге передай моей любимой. И наказ передай: пусть во вдовах не засиживается. Меня уже не вернёшь, а она... Пусть только о сынишке заботится. Васька, клятву дай, что самолично проследишь за...

Он умер, не закончив фразы, и Василий, закрыв покойному глаза, снял с него серебряный крестик.

– Эй, Боев? – позвал его кто-то. – К нам, в овраг, сползай, покуда жив ещё.

Василий обернулся и, не мешкая ни минуты, пополз к оврагу и вскоре оказался среди выбравшихся из-под артобстрела.

3.

Канонада стихла, но казаки не спешили покидать своё убежище. Мало ли чего? Они приготовили оружие и затаились в ожидании.

– Сколько нас? – спросил есаул, угрюмо глядя на остатки сотни.

– Э-э-эх, больше половины полегло, – ответил кто-то. – Было сто пятьдесят, а осталось шестьдесят восемь.

– Интересно, кто по нам из орудий палил? – сказал ещё кто-то. – Красные или наши?

– А ты пойд и спроси, – зло огрызнулся есаул. – Сейчас они сами подойдут, чтобы поглядеть на дело рук своих поганых, вот тогда всё и выяснится.

С оружием в руках казаки долго ждали тех, кто обрушил на их головы лавину огня, но враг, видимо, ушёл.

– Догнать бы их да и порубить в капусту, – высказался кто-то. – За братьев наших павших, за...

– Покуда ты их догонять будешь, они успеют развернуть орудия, – ухмыльнулся есаул, разглядывая в бинокль уходящую батарею. – Нас сейчас шестьдесят восемь, а может случиться так, что и оставшиеся все поляжем. Так что есть ещё у кого желание преследовать врага?

Угрюмое молчание было ответом на его вопрос, и есаул, скрипнув зубами, снова поднёс к глазам бинокль.

Чуть позже казаки прошлись по изрытому воронками от взрывов участку. Всюду перемешанный с кровью, землёй и фрагментами человеческих тел снег. Страшное зрелище!

Раненых найдено не было. С трудом выкопав в мёрзлой земле большую яму, казаки сложили в неё трупы своих товарищей.

– Всё, что могли, братья, – сказал дрожащим голосом есаул, сняв с головы папаху. – Не можем мы тела ваши домой отвезти, вы уж нас простите. Самим бы живыми добраться. Но вы уже дома, перед ликом Господа нашего Иисуса Христа, пребываете. Простите нас и прощайте. Да пусть земля эта сибирская будет для вас пухом.

Сняв шапки и глотая слёзы, казаки помолились у могилы павших земляков и вернулись в овраг, к своим коням.

– Ладно хоть ещё обоз сохранился, – сказал есаул, оглядывая повозки. – Что тут у нас, кто подскажет?

– Консервы рыбные, мука и масло коровье, – подсказал кто-то. – А в мешках вон овёс для коней. Сена теперь днём с огнём не сыщешь.

– Разводите костры и готовьте пищу, – распорядился есаул. – Коням рационы уменьшить. Ещё неизвестно, сколько через тайгу пробираться будем и встретим ли селенья на своём пути, где не побоятся нас приветить...

По тайге ехали больше двадцати суток. Ни красных, ни белых и ни одного селения не встретили казаки на своём долгом пути. Ни дорог, ни тропок, только занесённый снегом бескрайний простор. Деревья, затянутые льдом реки и холмы – вот и всё, что видели люди изо дня в день. Уставшие, замёрзшие, они еле держались в сёдлах, а измученные, исхудавшие животные едва стояли на ногах, утопая по грудь в глубоком снегу.

На привалы останавливались редко и то лишь для того, чтобы приготовить пищу, поесть и хоть немного обогреться у костров. Со слезами на глазах наблюдали казаки за своими лошадьми. Несчастные животные утоляли голод, жуя хвою и обгрызая кору. Овёс в мешках таял день ото дня и волей-неволей приходилось уменьшать его выдачу.

– Ещё маленько, и без лошадей останемся, – бормотали, вздыхая, казаки. – Может, Господь наказал нас за грехи наши блуждать вот здесь, в тайге бескрайней, до скончания света?

– Будя вам, разгалделись, как бабы! – прикрикивал на них есаул. – Вдоль реки вон едем, а она нас к какому-нибудь стойбищу приведёт.

– Твои бы слова да Господу в уши, – бурдели казаки. – Забыл он нас или зрить не желает.

– А вы не языками трепитесь, а молитесь больше! – повышая голос, говорил есаул. – Знать свыше нам указано путь этот пройти. Всё до дома ближе...

Вдоволь выговорившись и обогрившись, казаки вновь взбирались в сёдла, и сотня продолжала свой бесконечный путь по тайге. И каждый казак надеялся, что не сегодня, так завтра они всё-таки доедут хоть до какого-то селения.

Их упорство и надежды были вознаграждены. Совершенно неожиданно казаки подъехали к большому посёлку и придержали коней.

– Что делать будем, станичники? – спросил есаул.

– А чё тут думать, лапы кверху и айда, – ответил кто-то.

– Что, не передумали ещё красным сдаваться? – нахмурился есаул. – А я мыслил...

– Не надо ничего мыслить, сдаёмся, и всё тут! – загудели казаки возмущённо. – У нас нет другого пути, братья! Коня едва живые, да и мы едва в сёдлах держимся! Ещё день—два и...

– Всё, хватит, сдаёмся, – поддержали вдруг сторонников сдать и те, кто был изначально против. – Будь что будет, выхода другого нет. Ещё эдакий переход по тайге мы не выдюжим.

– Все эдак думают? – повысив голос, обратился к сотне есаул.

– Все, – прогудели казаки.

– Тогда, – есаул посмотрел на них хмуро и сурово, – раз вы так решили, мне остаётся только подчиниться. Боев, Ерьков, поезжайте в село, разузнайте, что за власть там. А мы покуда вас здесь обождём.

4.

Василий Боев и Егор Ерьков, получив приказ, пришпорили коней. Минут через пять они подъехали к околице.

На посту при въезде в село дежурили четыре вооружённых человека. Увидев скачущих из леса всадников, они бросились бежать.

– Эй, стой, куда вы?! – закричал им вслед Василий. – Мы сдаваться едем, постойте же!

Видимо, набравшись храбрости, двое остановились, а остальные прибавили скорости и продолжили бег, даже ни разу не обернувшись.

– В-вы кто? – поинтересовались постовые, со страхом глядя на казаков.

– Мы хотим знать, чья власть здесь, в селе вашем? – сказал Егор. – Сперва ответьте на наш вопрос, а опосля мы ответим на вашеньский.

– В п-посёлке Черемуха в-власть с-советская. А в-вы к-кто?

– А мы есть казаки, – ответил Василий. – Мы ищем начальство красное, чтобы сдать ему.

– Если так, то кидайте винтовки, шашки и с коней слазьте, – заговорили постовые, поне-много смелея. – Тогда мы и примем сдачу вашу, казаки...

Василий и Егор нехотя исполнили их требование. Противно было за так просто сдаваться врагу, но деваться некуда. Казаки отдали оружие и сошли с коней. Через несколько минут со стороны посёлка показались всадники, которые галопом мчались к посту. Боев и Ерьков подняли вверх руки и на всякий случай закричали:

– Сдаёмся!

Их окружили.

– Кто такие будете? – прозвучал вопрос.

– Казаки мы, разве не видите? – сказал Василий. – Сдаться советской власти хотим и домой вернуться.

– Ишь ты, домой хотят, нагаечники чубатые! – загоготал всадник, задававший вопросы, и его поддержали хохотом все остальные. – А по пуле в лоб не желаете, рыла бородатые?

– Мы домой желаем, больше ничего, – огрызнулся Егор. – Хотели бы воевать, явились бы к вам не с поднятыми руками.

– И что бы вы вдвоём нам сделали? – спросил командир. – А может, вас гораздо больше?

– Там ещё шестьдесят шесть человек нас ожидают, – вздохнул Василий. – Все при оружии и четверо саней с пулемётами. Ежели мы не возвернёмся к ним, то кто его знает, что подумают братцы наши. Может, и отпадёт желание красным сдаваться...

Окружавшие их всадники после слов Боева всполошились и закрутили головами. Им приходилось сталкиваться с казаками в боях, и они не понаслышке знали, какую грозную силу представляют собой бородачи-станичники. Перестав ухмыляться и гоготать, начальник красных спросил:

– Вы что, и правда сдать решили? Сколько знаю казаков, никогда не слышал, чтобы они вот так запросто, без боя, взяли и сложили перед врагом оружие.

– Так то перед врагом, – ухмыльнулся Ерьков, которого задело слова красного командира. – А мы вот подумали и решили, что большевики не такие уж и враги нам. Все мы на одной земле рождённые и кровушку ни свою, ни вашу проливать больше не хотим.

– И что, все так думаете? – засомневался командир.

– Все, – сказал Василий. – Давайте остальных позовём, вот сами их и обспросите.

– А вы ручаетесь, что они резню не развяжут? – всё ещё сомневался командир.

– Хотели бы развязать, мы бы с тобой не судачили, – ответил Василий. – Пронеслись бы по посёлку с шашками наголо и... Туго бы вам пришлось, товарищи красные, не сумлевайтесь.

– Ну... хорошо, – подумав с минуту, сказал командир и указал рукой на Ерькова. – Иди и остальных веди, а ты, – он посмотрел на Боева, – ты здесь останешься, я поговорить с тобой хочу.

Оставшись один среди красных, Василий почувствовал себя неуютно. Десятки враждебных глаз буравили его со всех сторон.

– Так что вас заставило сдать, казаки? – командир в упор разглядывал его. – Могли к Семёнову уйти, недобитку белому. Его шайки ещё бандитствуют по тайге забайкальской, хотя им недолго ещё гулять осталось.

– Мы не знаем Семёнова и никогда не видели его, – ответил Василий. – Слыхали, что был эдакий атаман, и всё на том. Мы казаки оренбургские и не хотим боля кровушки проливать людской.

– Все вы так говорите, черти бородатые, – всё ещё не верил ему командир. – Видал я на фронте германском, чего вы вытворяете. Немцы и австрийцы, как чумы, боялись казаков.

Когда вы в атаку шли, так все и разбегались кто куда. Видал я вашего брата и на фронтах Гражданской. Вы рубили наших красноармейцев ничуть не хуже, чем германцев...

– Вы тоже не шибко жаловали нас, так ведь? – усмехнулся Василий. – Чихвостили нашего брата казака и в хвост и в гриву.

– Было, не спорю, – улыбнулся командир. – Вот потому наша власть советская возобладала над вашей! Вот потому мы и победили вас, господа белоказаки!

Вскоре к посту у околицы подъехала сотня. Казаки с хмурыми лицами сидели в сёдлах, чувствуя себя униженными. В другое время они, не задумываясь, выхватили бы из ножен пашки и смело ринулись на врага, но сегодня... Сегодня они вынуждены сдаться на милость победителей.

Красноармейцы по приказу своего командира охватили сотню кольцом, и так они поехали в посёлок. Остановились у штаба, расположенного в центре. Казакам было приказано спешиться и выстроиться в одну шеренгу.

Мороз крепчал. Красноармейцев собралось так много, что они едва помещались в штабном дворе. Бойцы с изумлением рассматривали казаков и едва ли верили, что эти воинственные бородачи сдались без боя. В суматохе никто не заметил, как есаул отошёл в сторону, выхватил револьвер, взвёл курок и поднёс ствол к виску.

– Браты казаки! – крикнул он громко. – Может быть, и не прав я, станичники, но не могу вот так, как вы, поступить! Я казак, браты, и хочу оставаться таковым до самой смерти! Раз не могу я один противостоять врагу, значит не место мне более на свете белом!

Хлопнул выстрел, и геройский есаул с простреленной головой на глазах казаков и красных упал на землю...

5.

Самоубийцу оттащили за ноги куда-то в сторону. На казаков смерть есаула Болотникова произвела угнетающее впечатление. Они бросились к нему, но, услышав грозный окрик «стоять!», замерли в шеренге.

Из штаба вышел крепко выпивший здоровенный мужчина в форме и в будёновке с красной звездой. Он прошёлся взад-вперёд перед шеренгой казаков и...

– Ну, мать-перемать, отвоевались, нагаечники хреновы! – закричал он громко. – Что, приползли, мать вашу, спасти свои жизни паскудные? Я бы вас собственными руками передушил бы, мать-перемать, бандюги недобитые! Я бы вас...

Он в течение четверти часа под хохот красноармейцев срамил и материл казаков и замолчал лишь, когда из штаба вышел ещё один человек, тоже в форме, но без головного убора.

– Товарищи! – обратился он к казакам заплетающимся языком и, как им показалось, приветливо. – Всё, отвоевались вы, отмаялись! Одобряю ваш поступок разумный целиком и полностью! Хватит кровь проливать, товарищи! Зря... зря всё это! Молодцы, что сдались, казаки! Мы оценим ваш поступок по достоинству!

На смену ему из дома вышел ещё один человек. Он был сильно пьян, но держался на ногах ровно. По его «представительному» виду нетрудно было догадаться, что он самый главный красный командир. «Интересно, чего этот здоровяк отмочит? – подумал, глядя на его каменное лицо, Василий. – Если в морду даст своим пудовым кулачищем, то со всеми зубами распрощаюсь зараз. Стыдно будет супруге на глаза показаться шепелявым и...»

Вышедший не кричал, не размахивал руками и не бранился. Он медленным шагом приблизился к Николаю Колпакову, стоявшему первым в шеренге, и смачно плюнул ему в лицо. Затем командир плюнул в следующего казака – Ивана Долматова. Василий зажмурился, когда очередь дошла до него. Командир выплюнул шмоток вязкой слюны ему в лицо. Так он прошёл всю шеренгу, не пропустив никого. Это было неслыханное оскорбление всей сотне. Казаки возмущённо загудели, но несколько красноармейцев тут же навели на них пулемёты.

– Эх, ети вашу мать, – скрипя зубами и сжимая в ярости кулаки, выругался Иван Долматов. – Как я был против к краснозадым на поклон идти. Э-э-эх, оружие бы сейчас нам в руки, всех бы искромсали детей сучьих!

«Ну вот, – подумал Василий, обтерев лицо. – Я смолчал, и все смолчали. Кто мы после этого? Разве можно теперь нам считаться казаками? Говно мы, вот кто теперь...»

– А ну все в сёдла ма-а-арш! – приказал командир, который встречал сотню у околицы. – Разбились в колонну по трое и следуй за мной, ма-а-арш!

Так, колонной, с обозом, но уже без пулемётов в санях, проехали казаки ещё семнадцать вёрст до другой деревни. Здесь у них забрали обоз и все личные вещи, оставили только коней. После этого колонна снова продолжила путь.

– Куда они нас везут? – спросил Иван Шемякин, повернув голову к ехавшему рядом Боеву.

– Кабы знать, – пожал плечами Василий.

– Куда везут, туда и едем, – едко ухмыльнулся Егор Ерьков, ехавший слева. – Мы теперь скоты подневольные, ядрёна вошь. Дозволили бы хоть в баньке попариться перед тем, как расстреляют. Загрызли вши, будь они неладны, а подавить их под шубейкой возможности нет.

– А мне есаула нашего жалко, – сказал задумчиво Василий. – Только о нём и думаю. Надо же, как поступил?! А может, и нам эдак надо было?

– Он офицером был, есаул наш, – вздохнул Инякин. – Ему иначе нельзя было. Ежели красные с нами как-то церемонятся, то его давно бы уже порешили.

– Это точно, порешили бы, – согласился с ним Василий. – Красные ух как офицерёе не жалуют. А по мне бы пущай другие меня убьют, чем я сам себя. С самоубийцами там, на Страшном суде Господнем, долго не разговаривают. Отправят в ад на вечные мучения...

– Даже похоронить его красные не дали, – подал голос Ерьков. – Оттащили к забору и думать о нём забыли, будто немец он или австрияк поганый, а не душа христианская.

– Ничего, закопают где-нибудь, – вздохнул Василий. – Ему теперь всё равно, есаулу нашему. Всё одно самоубийцу на кладбище не хоронят...

Дальше ехали молча, думая каждый о своём. Василий Боев вспомнил родную станицу и безоблачное детство.

Перед глазами промелькнула школа. Она всегда казалась ему большой и просторной. Он входил в класс одетый в штаны с лампасами, в холщёвой рубахе-косоворотке навыпуск и деревянной шашкой на боку. Дети казаков занимали три ряда и сидели отдельно от детей пришлых или тех, кто не принадлежал к казачьему сословию. Казачата с пелёнок были приучены к тому, что они люди особенные, и это придавало им гордость за своё происхождение.

Уроки в школе были одинаковы для всех, а вот после занятий казачат обучали верховой езде и боям на саблях. А ещё их обучали рукопашному бою с ножами и без них. Василий часто возвращался домой в синяках и ссадинах, и родители встречали его с улыбкой. Ну а если, не дай бог, отец замечал следы слёз на его глазах, немедленно хватал со стены нагайку и «вразумлял» ею сына.

– Казак не должен проливать слёз! – приговаривал он, охаживая хнычущего сынишку по спине. – Ежели враг увидит мокроту на глазах казака, то он испытает радость и потеряет страх перед нами! Казак должен стерпеть боль и не выказывать слёз, как бы больно ни было! Он должен победить врага или погибнуть! Уяснил, стригунок?

В конце воспитательной экзекуции Василий натягивал портки и, едва сдерживая дрожь в голосе, говорил:

– Благодарю за науку, папа...

А ещё отец строго спрашивал за учёбу. Попробуй только получить плохую отметку или замечание на уроках! Снова отец снимал со стены плетёную лозу и хлыстал сына, приговаривая:

– Энто за то, чтоб фамилию нашу не срамил! Казак грамотным должен быть, читать и считать уметь без ошибок. Каково тебе среди других дурнем выглядеть, а?

И такое воспитание проводилось во всех казачьих семьях. И только попробуй огрызнуться или возразить отцу! Семейные устои были крепки и уважительны. Строже всего каралось неуважение к старикам. Только попробуй пройти по станице и не поздороваться со встретившимися на пути старшими казаками! Тебя тут же остановят, поддадут затрещину или накрутят ухо, спросят фамилию и велют доложить отцу о своём «непотребном» поступке. И тут снова свистит плеть, а ослушник...

– Тпру-у-у, приехали, – сказал Иван, натягивая уздечку, и Василий, отвлекаясь от воспоминаний, проделал то же самое.

6.

– Куда приехали-то?! – выкрикнул кто-то из казаков, привстав в стременах и оглядывая деревушку, в центре которой они остановились.

– Тебе-то какая разница, – отозвался один из красноармейцев, сопровождавших колонну. – Куда привезли, туда и приехали.

– А что здесь с нами будут делать? – поинтересовался ещё кто-то из казаков.

– На корма свиньям пустим, – ответил другой красноармеец. – А их потом таким же, как вы, сдавшимися подлюгам скормим.

По приказу командира казаки спешились, привязали к забору коней и вошли в какой-то большой дом. Там их усадили за столы и выдали каждому по варёной курице и булке хлеба на двоих. Они с жадностью набросились на еду, перемалывая мясо вместе с костями. Как только казаки поели, их снова усадили на коней, и колонна продолжила путь. «А теперь куда нас? – думал Василий. – Поди не расстреляют, раз эдак сытно накормили?..»

Третья деревня оказалась такой же большой, как и посёлок Черемуха. Много дворов, много людей на улицах. Казаков остановили у дома с красным флагом над крыльцом. У двери висела табличка «Штаб».

– Спешиться! – приказал командир, возглавлявший колонну. – Привязать коней и всем, по одному, заходить в штаб для допроса.

«Лыко да мочало – начинай сначала, – с горечью подумал Василий, дожидаясь своей очереди. – Чего ещё надо? Всё уже не раз сказано и пересказано было... Ну, сдались казаки и что теперь? Почто по сто раз душу выматывать из людей? И так совесть измучила за сдачу эдакую бесславную, а тут...»

Допрос оказался коротким. Задали уже знакомые вопросы, и Василий привычно ответил на них теми же словами, что и прежде, а потом... Потом у казаков забрали всё, что оставалось, включая запасное нижнее бельё и остатки корма для коней. Не тронули только одежду, которая на них, а вот валенки сняли, дав взамен другие, растоптанные и изъеденные до дыр молю. Василию досталась разноцветная пара: один валенок был белым, а другой – чёрным. «Ладно хоть так, не босиком же, – подумал он, тоскливо разглядывая „обнову“. – До дома бы только дошагать да ноги не отморозить...»

Подчистую ограбленные, павшие духом казаки снова по приказу командира взобрались на коней и продолжили путь в пугающую неизвестность.

– Вот тебе и на, – вздыхал досадливо Иван Инякин. – Ещё разок-другой, и до вшивых исподников разденут.

– Да пусть раздевают, мне не жалко, – зло отозвался Егор Ерьков. – Вместе со вшами в придачу! На мне их уже мильён поди развелось, пушай теперь краснопузых жрут, хоть до дыр выедают...

Поздно вечером колонна въехала в город Омск, бывшую сибирскую столицу бывшего Верховного правителя адмирала Колчака. Остановились у бывшей семинарии. Командир приказал всем спешиться и входить в здание.

Привязывая коня, Боев осмотрелся. Огромный двор, огороженный досками. Снег не вычищен, значит, здание не жилое. Казаков завели в большое нетопленое помещение и велели располагаться. У дверей встал часовой с винтовкой в руках.

– Видать, кормить нас больше не будут, – сказал, вздыхая, Николай Колпаков. – До утра точно ничего пожрать не дадут, а моёт быть, и дольше...

И он не ошибся: людей и лошадей не кормили два дня. Дрожа от холода и изнывая от голода, казаки угрюмо переговаривались между собой, кляня тот день, когда решили сдаться красным. Никогда ещё не приходилось им в своей жизни испытывать столько унижений.

– Как с германцами пленными, обращаются с нами соотечественники наши, – возмущались они. – Ну, было время, воевали друг с другом, а что теперь? Они ведь нас не в бою захватили, а мы сами сдались. Заперли сюда, в эту богадельню, и носа не кажут. Кони вон, товарищи наши боевые, забор с голодухи доедают...

– На двор даже по нужде не выпускают, ети иху мать, – вступали в разговор молчавшие ранее. – Хотел давеча выйти, а сосунок, коей в дверях с винторезом дежурит, штыком оклычился и чуток меня в живот не пырнул! Сидим тут, как бараны в загоне перед закланием, и пикнуть не моём.

– А у меня нутро всё от голодухи и злости сводит зараз, – сказал уныло Долматов. – Э-эх, видели бы нас сейчас старики станичные... На порог бы опосля не пустили. Батка бы всю нагайку об меня измахрячил, ей-богу говорю...

Удручённые казаки ещё долго «судачили» друг с другом и заснули только к полуночи. В полушубках, в валенках, в рукавицах, в шапках... В нетопленном помещении было холодно, как на улице. Спали недолго, часок-другой. А потом, замёрзнув, вскакивали с лежанок и прыгали, размахивая руками, чтобы согреться.

– Э-эх, костёр что ли запалить? – предложил кто-то. – Замёрзнем ведь мы тут, братцы! Уснём поглубже и не проснёмся больше!

– Костёр запалим, сами сгорим, – возразили казаки. – Холупа эта из брёвен сложена. Враз все сгорим и выбежать не успеем.

Василий Боев давно уже стряхнул с себя остатки сна и размахивал руками, чтобы согреться. Он слушал возмущённые речи казаков, но в разговоре участия не принимал. «А что толку рассусоливать? – думал он. – Все вон галдят, как сороки, и что с того? Они ещё лучше говорят, чем я бы брякал. Всё правильно и верно бормочут, мне и добавить-то нечего...»

– Эй, Василий? – повернулся к нему Николай Колпаков, который прыгал рядом. – Что, айда на двор до ветру сходим? У меня внутри всё эдак распирает, что ей-ей, как граната, взорвусь.

– А часовой как же? – сказал Василий задумчиво. – Ежели штыком пужать будет, так что с ним делать прикажешь?

– Да ничего, – ухмыльнулся Николай. – Стебанём промеж глаз или по маковке тихонечко и в сторонку укладём. Покуда очухается, мы уже в обрат возвернёмся.

– Айда, раз так, – согласился, вздыхая, Василий. – Только не шибко стебай его по башке, дух не вышиби...

7.

Как только за окнами засеребрился рассвет, Колпаков и Боев решительно направились к двери.

– Эй, вы куда? – встрепенулись казаки.

– На кудыкину гору, – огрызнулся Николай. – Нужду справить хотим, уж неветерпёж становится.

– Да в угол вон сходите, – присоветовал кто-то. – Все туда ходим, сами видели.

– Вы как хотите, а я не привычен в избе гадить, – обозлился Колпаков. – К тому ж я по большой нужде потребность имею, а не по малой шалости.

Когда они подошли к двери, перед ними вырос часовой и вытянул вперёд дрожащие то ли от мороза, то ли от страха руки с винтовкой:

– Стой, назад, выходить на улицу не положено.

– Отойди, зашибу! – рыкнул на него Колпаков угрожающе. – На что положено хрен наложен. Сшибу вот с копыт долой и обгажу морду твою рябую!

Видя перед собой перекошенное злобой лицо казака, молоденький красноармеец попятился. Он явно трусил.

– Вы... вы побыстрее только, – пролепетал боец едва слышно. – Командир приедет, увидит вас на улице, и тогда...

– А ты лучше отойди и пропусти нас, – сказал Василий. – Командира тоже не бойсь, мы ему сами всё растолкуем.

Пока Боев и Колпаков справляли нужду, во двор семинарии въехал командир красных. Он пересчитал лошадей, пересел на понравившегося ему коня и уехал.

– Всё, за лошадок наших взялись, аспиды, – зло ухмыльнулся Николай, натягивая портки.

– Так он вон, своего взамен оставил, – вздохнул, сожалеючи, Василий, отыскивая глазами своего коня. – Этот похужее правда, но...

– Не хуже, а совсем негоден, – покачал головой Николай. – Ты зенки-то продери и получше огляди энту клячу.

Не успели они вернуться в здание, как во дворе появился ещё один командир. Привстав на стременах, он пересчитал коней и обратился к казакам:

– Эй, а где ещё один?

– Как где, вон стоит, – указал рукой Василий на «замену».

– Не морочьте мне голову, не ваш этот! – прикрикнул командир строго. – Я казачьих коней от наших хорошо отличаю. Так где тот, о котором я спрашиваю?

– Где-где, а мы почём знаем?! – возмутился Николай. – Прискакал такой же, как ты, красавец с красной звездой на лбу, поменял коня, нас не спросясь, и был таков. Даже не оглянулся ни разу.

– Ах, мать твою перемать! – закричал возмущённо командир. – Да я его... да я его...

И вдруг вернулся предыдущий командир. Соскочив с коней, осыпая друг друга матерной бранью, они едва не разодрались. Схватившись за грудки, красные командиры яростно тягали друг друга и разошлись лишь тогда, когда Колпаков не выдержал и закричал:

– Эй, вы, петухи, мать вашу, хватит собачиться! Мы и кони наши тут с голодухи погибаем, а вы...

Тот, который приехал вторым, обернулся:

– Как так? Почему голодаете? Вас комендант города на довольствие поставил сразу, когда в Омск прибыли. Пищу и вам, и коням отписали, я точно знаю.

– Да сыты по горло мы пищей вашей, – поддержал Николая Боев. – Не знаем, на какое такое довольствие нас поставили, но мы маковой росинки уж третий день во рту не держали!

– А на коней наших гляньте, мать вашу! – закричал возмущённо Колпаков. – Они вон забор с голодухи доедают и скоро скопом зараз все передохнут!

– А ну заткнитесь! – закричал командир. – Я сказал то, что знаю точно! Не верите мне, идёте к коменданту города сходим! Пусть он лично подтвердит слова мои!

– Нет, не пойдём мы, толку-то? – неожиданно воспротивился Николай. – Ни твои, ни его слова в жратву не обратятся.

– Нет уж пойдёмте, мать вашу перемать! – закричал командир раздражённо. – Я никогда, даже перед врагами, пустобрёхом не был!

– А что, айда сходим? – дёрнул Колпакова за рукав Василий. – Уважим просьбу товарища красного командира, раз он подлецом выглядеть не хочет.

– Эх, да давай сходим, – согласился Николай. – Всё согреемся при ходьбе маленько...

До комендатуры дошли быстро: здание находилось на соседней улице. Когда командир и казаки вошли в кабинет коменданта, тот отложил в сторону документ, который держал в руках, и вопросительно посмотрел на них.

– В чём дело, товарищи? Вижу, вас ко мне привело какое-то неотложное дело.

– Да вот, сдавшиеся казаки недовольны, товарищ Бобров, – ответил вежливо командир. – Говорят, заперли их в неотапливаемых помещениях семинарии, не кормят, не поят и даже на улицу справлять нужду не выпускают.

– И коней наших не кормят, – добавил Колпаков. – Они, как и мы, святым духом питаются.

– Чем эдак изголяться, лучше расстреляйте нас и дело с концом, – счёл необходимым высказаться Василий. – Немчура к пленным лучше относится, чем вы.

Комендант всех внимательно выслушал.

– Эко вас попёрло вразнос, товарищи казаки. Немцев приплели к чему-то. Ещё раз объясните причину вашего прихода ко мне, да так, чтобы я понял.

– Голодные мы, вот и вся причина, – вздохнул Колпаков. – «Казарма» наша не топится, жратвы нет, тепла нет, вот и стучим зубами, как волки голодные.

– Ну-у-у, голодными вы быть не можете, – засомневался комендант. – Я приказал поставить вас на довольствие. Коней тоже фуражом обеспечить приказывал.

– Плохо, видать, приказывал, раз слушать не захотели, – пробубнил Николай угрюмо. – Ни мы, ни кони жратвы не получали. У нас бы за эдакое...

– У нас тоже за такое по головке не гладят, – нахмурился комендант. – У нас...

Не договорив, он снял со стоявшего на столе телефонного аппарата трубку и покрутил ручку вызова. Ему ответили.

– Вы выдавали сдавшимся казакам, которых я приказал поставить на довольствие, фураж и продукты? – строго спросил он у собеседника.

Казаки увидели, как вытянулось и побагровело лицо коменданта, когда он услышал отрицательный ответ.

– А ну живо ко мне! – гаркнул он в трубку. – Не явишься через минуту, приду к тебе сам лично. И тогда... Именем народа я застрелю тебя прямо в кабинете, ясно!

Человек, отвечающий за довольствие казаков, явился незамедлительно.

– Слушай меня, прохвост разэтакий! – привстав со стула, прорычал угрожающе комендант. – Ты исполнил мой приказ, который я отдал лично тебе ещё два дня назад? Ты выдал сдавшимся казакам пищу и корм их коням?

– Н-нет, з-закрутился, з-запамятовал, – попятился вошедший.

– Раз так...

Разъярённый комендант вышел из-за стола и принялся отвешивать подчинённому увесистые затрещины. Рукоприкладство возымело поразительный эффект на нерадивого подчинённого. Когда Василий и Николай вернулись обратно, во двор семинарии уже завозили хлеб, мясо и овёс для изголодавшихся коней.

8.

Всего привезли шестьдесят буханок свежеевыпеченного вкусно пахнущего ржаного хлеба и две коровьи туши. Казаки, не веря своим глазам, с жадностью набросились на еду.

Мясо поджаривали на разведённых во дворе кострах, нанизывая кусочки на палочки. Кости варили в котле. Их выхватывали из кипящего бульона и обгрызали недоварившимися.

Лошади с жадностью набросились на овёс, который привезли прямо в снопах. И животные, и их хозяева были голодны настолько, что вскоре съели всё без остатка. Не успели казаки отдохнуть, насытившись, и обогреться у костров, как прозвучала команда «По коням!», и они снова куда-то поехали, теряясь в догадках и предположениях.

Некоторое время попетляв по улицам, колонна выехала за городскую черту и прибыла в какую-то деревню.

– Марш из сёдел, товарищи казаки! – приказал возглавлявший отряд командир. – Сейчас будем у вас коней принимать!

Но неожиданно планы красных изменились. Как только казаки немного отдохнули, их снова усадили на коней.

– Что-то скучно ехать, бородачи! – крикнул командир во главе колонны. – Слышал, поёте вы неплохо? А ну запевай!

– Вот ещё чего удумал, – недовольно пробубнил Колпаков. – Сейчас у нас и без песен рот тесен...

Услышав его слова, командир крепко выругался, но настаивать не стал. Миновав ещё несколько вёрст, казаки приехали в очередную деревеньку, где их покормили и предоставили две тёплые избы для ночлега. А утром снова в сёдла – и в путь.

Ехали-ехали и, как оказалось, снова вернулись в Омск, только другой дорогой. Как только казаки подъехали к штабу красных и сошли с коней, им приказали построиться в одну шеренгу.

Из штаба вышли несколько человек и принялись осматривать привязанных к забору коней и подзывать их хозяев. Коней старательно обмеряли от копыт до головы, и это удивляло казаков. Но они предпочитали помалкивать и не задавать лишних вопросов. Пока ещё красные относились к ним сносно и терпеливо, но кто знает, что будет, если они вдруг обозлятся?

Неожиданно казакам стали выдавать за лошадей деньги. Кто получил пять тысяч, кто шесть, а кто и семь. Василию дали шесть тысяч. Не веря своим глазам и неожиданному счастью, казаки вернулись в семинарию. Как только открыли ворота, замерли, открыв рты. Двор был завален множеством трупов, сваленных в огромные кучи, через которые даже переступить было невозможно.

– Господи, Царица небесная, – зашептали поражённые ужасной картиной казаки, крестясь и сорвав с голов шапки. – Что же это, Господи?!

– С нами эдак бы было, – пробубнил сзади Боева чей-то голос. – Не сдались бы, дык в этих кучах уже пребывали бы.

Тела были без верхней одежды, только в нижнем белье, и трудно было распознать, кто это. Скорее всего, белогвардейцы. Их, видимо, взяли в плен, привезли в Омск и расстреляли.

– Что же энтó, братцы? – зашептали казаки. – Мы вот только вчера здесь ночевали, а нынче... Айдайте скорей отсюда, а то с души воротит, ей-богу!

Развернувшись и натягивая на ходу шапки, казаки поспешили прочь от ужасного места. Каждый из них представлял себя среди мёртвых тел, и страх, сковавший их души, как кнутом, подстёгивал их, заставляя бежать как можно дальше от леденящего кровь зрелища.

– И что теперь делать будем, станичники? – крикнул Иван Инякин, когда они остановились, чтобы перевести дух. – Деньги есть, и охраны при нас больше не приставлено, так, может, убежём куда подальше, покуда нас не хватились?

– Нет, не дело энтó, – загалдели казаки. – А вот хватятся нашего отсутствия, погоню снарядят, догонят и порубят! Кому охота во дворе семинарии нагишом мёртвым лежать?

– Айдайте к коменданту лучше, – посоветовал кто-то. – Пушай он скажет, как быть нам. Хоть знать будем, какую напасть ожидать на наши души.

Совет оказался своевременным и был принят единодушно. Казаки поспешили к комендатуре. Для бесстрашных воинов, привыкших видеть в боях и походах много смертей и крови, жизнь стала всего дороже. Они утратили свой боевой дух, которым всегда гордились сами, гордились их отцы и деды.

У комендатуры им преградили путь часовые. После коротких уговоров они разрешили войти в здание только двоим. Василий Боев и Иван Инякин вызвались поговорить с комендан-

том. При входе их тщательно обыскали, после чего позволили войти, сразу же закрыв дверь перед всеми остальными.

– А-а-а, это опять вы? – узнав вошедших, устало усмехнулся комендант. – Вы всё ещё здесь околачиваетесь, супостаты бородатые? С чем пожаловали на этот раз? Снова кто-нибудь обидел?

– Да нет, всем довольны мы, – переглянулись Иван и Василий, бледнея. – Мы вот поинтересоваться хотим, как дальше с нами поступить пожелаете.

– Я что, нянчиться с вами должен? – нахмурил лоб комендант. – Как быть дальше, теперь как-нибудь сами решайте. Хоть по домам поезжайте, хоть здесь оставайтесь. Можете в Красную Армию вступить. Теперь вы люди свободные, так что как быть, сами выбирайте.

Казаки снова переглянулись, но на этот раз с облегчением.

– Нет, в армию мы не хотим, навоевались, хватит, – сказал, с опаской глядя на коменданта, Инякин. – И здесь оставаться тоже не хотим. Мы домой поедem, все об том только и мечтаем.

– Тогда доброго пути, – натянуто улыбнулся комендант. – Садитесь на поезд – и вперёд! Радуйтесь, что благополучно пережили эту войну и вовремя одумались, а могли и с жизнями распрощаться.

Казаки очередной раз переглянулись и развернулись, чтобы выйти из кабинета, но их остановили слова коменданта:

– На ночь мне приютить вас некуда, ночевать на вокзале холодно. Даю совет: идите на постоянный двор там и ночуйте.

– А как же нам сыскать его? – спросил Василий. – Мы чай не здешние, мы...

– Найти его нет ничего проще, – сказал комендант, морщась. – Всего в двух шагах от комендатуры.

Он назвал адрес, и довольные казаки спешно вышли из кабинета.

9.

Пока Боев и Инякин беседовали с комендантом, к ожидавшим их во дворе казакам подошёл мужчина в красноармейской форме и сказал, что когда-то он жил в Оренбуржье, но в казаках не состоял. Теперь он командир Красной Армии и занимает высокий пост. Представиться мужчина почему-то не захотел, но дал землякам добрый совет.

– Вы не спешите уезжать из Омска так, с бухты-барахты, – сказал он. – Я похлопочу, чтобы вам выдали на дорогу денег, и прослежу, чтобы вы благополучно уехали.

Он лично проводил поверивших ему казаков до постоянного двора, и они едва в него вместились. Спать разлеглись кто куда, но никто не выказывал недовольства.

Казаки припеваючи жили на постоялом дворе три дня. Имея на руках деньги, ходили на базар, покупали хлеб, сало, колбасу и молоко. Ели днями напролёт, перекусывали ночами и никак не могли насытиться. Деньги в их карманах таяли, как снег весной. Ещё дня два-три, и остались бы люди без денег. А впереди ещё долгая дорога домой, и никто понятия не имел, как и на чём будет добираться.

К счастью, на постоянный двор явился земляк. Сначала он собрал всех возле себя и объяснил, что исполнил всё, что обещал. А потом он велел всем разбиться на группы по пять-шесть человек.

Отвыкшие верить в добро и чудеса, ожидавшие от красных только какой-нибудь «каверзы», казаки с сомнением отнеслись к предложению земляка. За несколько лет, проведённых вместе в беде и в радости, они сплотились и чувствовали себя чуть ли не единым целым, а тут...

– Не беспокойтесь, всё будет хорошо, – заверил земляк. – Уедете все, никто не останется, обещаю вам.

«Сумлеваясь», казаки стали делиться. В группу Василия Боева, кроме него самого, вошли Иван Инякин, Иван Рубцов, Михаил Комаров и Павел Малюков. В таком составе, вместе с другими группами, они пришли на железнодорожный вокзал. А там их ждало очередное разочарование. Как оказалось, кто-то взорвал мост через Иртыш, а казаки уже потратились, набрав много продуктов на дорогу.

Сутки сидят они на вокзале, вторые, третьи... Сколько ещё ожидать поезда, даже предположить было невозможно. А на вокзал всё прибывали и прибывали сдавшиеся красным казаки, ограбленные до нитки, но радостные от того, что остались живы.

– Василий? Ты?

Боев обернулся и остолбенел, увидев Егора Кузьмина, двоюродного брата, который жил с ним в одной станице и с которым не виделся несколько лет. Как оказалось, Егор тоже воевал в армии Колчака. Сотня, в которой он находился, была вынуждена сдаться: казаки, поняв, что война проиграна, решили больше не испытывать судьбу. Красные ограбили их полностью. Коней «реквизировали» как трофей, не заплатив ни копейки.

Выслушав брата и поняв, в каком сложном положении тот оказался, Василий отдал ему тысячу рублей и предложил добираться домой вместе. Егор с радостью согласился.

И тут вдруг к перрону подали сформированный на станции состав. Томящаяся в ожидании толпа пришла в движение и загудела. Люди не понимали, что происходит, и не знали, что делать, глядя на обшарпанные вагоны.

– Это что, для нас или для кого-то? – спрашивали друг у друга казаки, теряясь в догадках.

Всего вагонов было шесть. Власти Омска были готовы на всё, лишь бы вывезти подальше от города бывших военнопленных, опасаясь их недовольства и возможных враждебных выступлений. Но казаки этого не знали. Им тоже хотелось побыстрее уехать из города хоть куда, лишь бы поближе к дому.

– Эй, чего стоите, мозги куриные! – вдруг крикнул человек в форме красноармейца, выйдя на перрон. – Приглашения особого ждёте или домой возвращаться передумали?

После его слов в казаков будто бесы вселились. Всесокрушающей лавиной бросились они к вагонам, и те едва устояли на рельсах от их бурного натиска.

Василий Боев одним из первых ворвался в вагон. Его буквально внесли в тамбур напирающие сзади люди. Он тут же занял верхнюю полку в середине вагона, а на вторую бросил пустой вещмешок, занимая его для Егора.

В вагон набилось чересчур много пассажиров. Казаки стояли в проходах так плотно, что между ними можно было протиснуться с трудом.

– Куда прёшь, зараза! – слышались озлобленные выкрики. – Выпучат зенки лубошные и прутся напролом! Все ноженьки уже оттоптали, идола!

– Не ори в ухо, аспид! – кричали другие. – Ужо на одной ноге, как гусак в луже, стою!

А в вагоне становилось всё теснее и теснее. Под одеждой оживились вши. Люди злились и громко ругались, а поезд всё стоял и стоял у перрона, словно и не собираясь никуда двигаться. Набитый до отказа вагон больше не мог вмещать в себя пассажиров, и стоявшие в тамбуре решительно закрыли дверь.

– Кто не успел, тот не успел, – ворчали казаки, не обращая внимания на громкие стуки.

В конце концов, страсти улеглись, хотя от ужасной тесноты и духоты казаки всё ещё переговаривались между собой на повышенных тонах и нервно толкали друг друга локтями. Те, кому посчастливилось занять сидячие места, тихо обсуждали, сколько времени им предстоит ехать и как долг путь до дома.

Ровно в полночь прогудел паровозный гудок, состав дёрнулся и наконец-то поехал. Казаки понятия не имели, куда их везут, но были рады-радешеньки, что направляются подальше от опостылевшего Омска.

Поезд шёл по Сибири на «крейсерской» скорости. А мосты через реки и большие овраги он и вовсе переезжал на малом ходу, переползал, как черепаха. Часто случалось, что останавливались у семафоров на небольших станциях и разъездах, пропуская встречные поезда.

Изнывая от скуки и тесноты в душном прокуренном вагоне, Василий Боев, если выпадал случай приблизиться к окну, дыханием отогревал крохотное пятнышко на замёрзшем стекле и с тоской наблюдал, как проносятся мимо высоченные сосны.

Теснота в вагоне словно поубавилась и в проходах стало свободнее. Люди как-то сжались, «утрамбовались» и ехавшие на сидячих местах потеснились, освобождая стоявшим на ногах хоть немного места. Те, кто долго лежал на верхних полках и успел поспать, уступали место другим.

– Эй, браток, проснись! – слышались возгласы. – Дай другому голову приклонить. Уже пять часов кряду дрыхнешь, а у меня ноженьки опухли от безмерного стояния!

Оказавшись с кем-то из казаков на одной полке, Василий долго ворочался, подбирая удобную для сна позу.

– Эй, чего вошкаешься, Боев? – не выдержав, возмутился казак. – Ты будто к жинке под бок укладываешься, как в избе родной?

– Чего шумишь? – огрызнулся Василий. – Другим поспать дай! Уже пролежни поди на боках от безмерной лёжки. Спать бы хотел, дык дрыхнул бы без задних ног и хайло своё не разевал!

Устроившись поудобнее, он закрыл глаза, но сна не было. У него разболелась голова от сутолоки в переполненном вагоне. Казак попытался сосредоточиться и вспомнить что-нибудь хорошее о доме, как проделывал не единожды, но сегодня его мысли были о другом.

Василий воевал уже пятый год, если считать войну германскую. И за это время он ехал по железной дороге не в первый раз. Он был в Украине, в Белоруссии, в Австрии и в Пруссии. Вернувшись на родину, сразу же попал на Гражданскую войну. Сначала воевал в армии Дутова, затем Колчака, сначала в степи, а затем в сибирской тайге. Много горя и зла довелось повидать Василию на прожитом веку. Вспоминая о боевых годах, он заснул, а когда проснулся, продолжал лежать на полке с закрытыми глазами.

«Как начнут будить, тогда и открою глаза, – подумал Василий. – Интересно, сколько ещё времени предстоит ехать в этом вагоне, куда поезд привезёт нас туда, куда везёт. Даже не у кого спросить, проводника-то нет?»

В купе под его полкой разговаривали казаки. Из-за стука колёс Василий не мог разобрать, о чём они спорят. И вдруг на него накатили воспоминания о семье. Родители, жена, дети... Он не видел их уже несколько лет. Как они всё это время без него справляются? Привыкли, наверное, к его отсутствию...

Следующий день он провёл попеременно: то на ногах в проходе, то сидел в порядке очереди на нижней полке. Вечером повезло – вновь освободилось место на верхней полке. Возбравшись на неё, Василий сразу же заснул. Его сон был настолько крепок, что он не слышал, как поезд остановился на какой-то станции и в вагоне началась суматоха.

Время шло, а поезд всё стоял, не двигаясь, и никто не будил Василия, прося уступить место. Часа в два ночи он проснулся сам и заметил, что в вагоне стало свободнее. Ничего не понимая, казак прошёлся по опустевшему проходу и вышел в тамбур. Открыв дверь, увидел большую станцию и обомлел от изумления. «Курган», – прочитал он, и внутри ёкнуло. – Господи, да я уже дома почти. Ещё чуток, и Челябин, а там и Башкирия. До дому-то почитай рукой подать?» Довольный, он вернулся в вагон, забрался на свою теперь уже полку, и...

– Васька, чего колобродничаешь? – спросил брат, лежавший напротив.

– Да вот не спится чего-то, – вздохнул Боев. – Сейчас как увидел, что на станции Курган стоим, дык как кипятком ошпарило.

– А ты что, не слыхал, как казаки курганские выходили?

– Нет, как убитый, дрыхнул. А может, и слышал, да заспал и запамятовал.

– Да-а-а, много сошло казачков, – вздохнул Егор. – И осталось ещё немало. Мы, оренбургские, и челябинские...

– Гляжу, и не подсаживается никто, – сказал Василий. – А я даже пообвык как-то в тесноте ехать...

Казаки не остались без попутчиков. К поезду на нескольких санях подвезли инвалидов из госпиталя и распределили по вагонам. Утром состав продолжил свой путь.

11.

Всего в вагон, в котором ехал Василий Боев, подсело семь человек. Кто без руки, кто без ноги, а один и вовсе без обеих ног. Казаки отнесли к инвалидам в красноармейской форме настороженно и тут же освободили нижние полки.

Василий и Егор молча переглянулись. Их не особо устраивало подобное соседство, но деваться было некуда. Инвалиды держались обособленно, разговаривая между собой вполголоса. Боев прислушался к их беседе.

– Устал я от войны, товарищи, – говорил красноармеец без обеих ног. – Воевал-воевал, а видите, как возвращаться домой приходится? Калекой безногим, в холодном вагоне, да ещё с казаками проклятушими. Сказали бы об этом соседстве в госпитале, так я лучше бы ещё подождал и не просился на выписку.

– Да какая разница, с кем ехать, – вздохнул другой инвалид, без правой руки и с чудовищным шрамом от сабельного удара на левой щеке. – Я тоже из казаков, и не такие уж мы плохие люди. А эти, говорят, сами, добровольно сдались, а значит раскаялись. Иначе их расстреляли бы всех, а не по домам отпустили.

– И что, вы все верите, будто они раскаялись? – возразил безногий.

– Пусть даже нет, но деваться им некуда, – встрял в разговор третий инвалид, без левой руки. – Хочешь не хочешь, а к прежней жизни возврата нет. Раздавила всех наших врагов власть советская. И мы с вами уже не те. Не знаю, как буду жить теперь, но мне и при царе неплохо жилось.

– А чего греха таить, я тоже особо не бедствовал, – ухмыльнулся инвалид со шрамом на лице. – Мы зажиточно жили, лабаз свой имели. Мне и сейчас хочется видеть огромный привоз на нашем базаре, продавцов крикливых и толпы народа кругом...

Инвалиды разложили на столике продукты и принялись есть, а Василий, почувствовав, как слюна наполняет рот и, отвернувшись к стенке. Вот уже сутки, как он ничего не ел.

– Эй, товарищи? – обратился к ним Егор. – Дайте хоть глотнуть водицы? Издалека едем, ни воды, ни жратвы... Даже посуды какой, чтоб кипяточку набрать, не имеем.

– Я б тебя пулей промеж глаз угостил, – грубо огрызнулся безногий, тут же уложив остатки провизии в вещевой мешок. – Нашёлся «товарищ», ишь ты. Мы таких товарищей...

Обиженный Кузьмин изменился в лице.

– Я вижу, не ты нас, а наши тебя до колен укоротили, – желчно усмехнулся он. – Только вот жалко снизу, а не сверху, тогда бы больше не умничал!

Лицо безногого сначала побагровело, а потом сделалось смертельно бледным. Некоторое время он сидел, моргая, и вдруг дрожащей рукой схватил со стола нож. Егор Кузьмин остался жив лишь благодаря увечью противника.

– Эй, Иван, – безногий резко протянул нож соседу, у которого не было левой руки. – А ну перережь глотку этой скотине, век за то обязан буду!

– Обожди, Степан, да ну их, – беря из его рук нож, отправил его в вещмешок однорукий. – Они ведь все чокнутые. Вышвырнут нас на ходу из вагона, тогда ведь погибнем в пути.

– Ладно, чёрт с ними, – буркнул, приходя в себя, безногий. – Я таких, как они, чертей бородатых, в своё время много порубил. Я...

Он осёкся и замолчал, увидев хмурые лица казаков, услышавших шум и собравшихся со всего вагона. Последние слова инвалида разозлили их не на шутку. Вокруг стало угрожающе тихо. Две некогда враждующие друг с другом стороны буравили друг друга ненавидящими взглядами, и было достаточно малейшей искорки, одного звука или слова, чтобы эта тишина превратилась во всесокрушающий взрыв эмоций. Инвалидов от неминуемой смерти спас кто-то из казаков.

– Браты, да ну их ко псам! – крикнул он громко. – Они своё уже отгребли, казаки! А нам не следует брать грех на души, чиня вред калекам убогим!

Остановившийся у очередного семафора поезд, сильно рванув, тронулся. Под перестук колёс казаки разошлись по своим местам, а чудом избежавшие расправы инвалиды облегчённо вздохнули.

Под стук колёс и покачивание вагона Василий Боев задремал. Сменив позу на более удобную, он заснул, и ему приснился сон, который...

12.

До Челябинска доехали быстрее, чем ожидали казаки. Поезд быстро опустел. Инвалиды, помогая друг другу, тоже покинули вагоны и больше их никто не видел.

– Ну что, теперь уже совсем немного осталось, – подбадривали друг друга казаки. – Башкирию переедем, и всё, мы дома!

– Эге-ге, это ещё не так близко, – сетовали скептики. – Почитай чуток меньше, чем уже проехать довелось.

– Да ну вас! – отмахивались оптимисты. – Мы уже на территории второго отдела нашего Оренбургского казачьего войска! Уже почитай дома мы и далеко от Сибири и Омска!

Но, как оказалось, до дома казакам было ещё ох как далеко!..

Состав отогнали на запасной путь. День провели казаки в холодном вагоне, другой, третий... Никто не подходил, ничего не спрашивал и не давал никаких советов. Скучные остатки продуктов были съедены, и люди голодали.

Отчаянное положение, в каком они оказались, требовало немедленных действий. Казаки часами обсуждали и мусолили один-единственный вопрос: «Что делать?», но ответа на него не находили. И вот наступила третья ночь...

– Эй, не передохли ещё, казаки? – послышался крик с улицы, и в дверь тамбура кто-то громко постучал.

Спавшие казаки подскочили со своих мест и поспешили к выходу.

– А ну стоять! – прозвучал приказ, когда они открыли дверь.

– Эй, чего командуете? Сами-то кто будете? – выкрикнул Павел Мамонов. – Чего пожаловали в час ночной, обскажите нам изначально, а уж опосля...

– Выходить по одному для саносмотра! – потребовал один из подошедших. – Не будете слушаться, арестуем. Вам ясно?

– Яснее некуда, – загудели недовольно казаки.

Они спрыгивали по одному из тамбура на землю, и их тут же «осматривали» и ощупывали около десятка вооружённых людей при тусклом свете железнодорожного фонаря. Тех, кто казался здоровым, отводили в сторону, а тех, кто вызывал какие-то подозрения, возвращали в вагон с приказом больше носа не высовывать.

Осмотр закончился к утру. «Больных» заперли в вагонах, поставили охрану и ушли, а остальные...

– Нам-то куды деваться? – спрашивали друг у друга «здоровые». – Крыши над башкой и той лишили.

На улице тем временем уже рассвело, а голодные и замёрзшие люди всё ещё пребывали в растерянности. Очень хотелось есть, от голода сводило желудки. И тут снова появились красноармейцы и... отвели их в баню!

Пока казаки раздевались в предбаннике железнодорожной бани и вытряхивали из одежды вшей, подошла крупная женщина с большой бутылкой молока в руках. Она оказалась банщицей. Женщина убрала бутылку в угол подальше от жалобных голодных глаз казаков и обвела всех тяжёлым взглядом.

– Ну, и чего пялитесь, морды бородатые? – сказала она сердито. – А ну марш в баню и мойтесь, пока не выперла всех вон, на улицу!

– Барышня, милая, дай нам молочка хоть по глоточку хлебнуть? – взмолились казаки. – Мы же...

Они сразу же замолчали, когда банщица сжала кулаки и нахмурила брови.

– Ещё чего, – сказала она ещё злее, чем прежде. – Я вам что, корова дойная? Хотите молока, на базар идите. Там много чего есть, а уж молока особенно.

– Как мухи, мы здесь передохнем, братцы, – обратился ко всем Василий. – Господь свидетель, никому мы не нужны здесь. Давайте хоть кто-то из нас живым останется! Может, наскребём по карманам каких-никаких денег?

Голодные казаки кое-как собрали небольшую сумму, а суровая банщица из «жалости» дала старенький чайник.

– Вы куда мойтесь, а я на базар сгоняю, – сказал Василий. – А уж когда вернусь, тогда и сам искупаюсь.

Базар найти оказалось несложно. Василий едва с ума не сошёл от обилия вкуснятины на прилавках. В мгновение ока рот заполнился слюной, а желудок так решительно потребовал пищи, что казак едва не согнулся пополам от сильной рези. «О Господи, дай мне сил сдержаться и не наброситься на еду, – думал Василий, глядя на румяные копчёные колбасы, на окорока, на сало. – Я бы сейчас сожрал и сырого мяса кусок, оторвав его от свиньи или коровы... Вот только кто мне его даст?»

Собранных денег как раз хватило на то, чтобы заполнить молоком чайник. Когда торговка переливала молоко, в животе казака так урчало, что он подумал, что это слышат все вокруг. Схватив чайник, Василий поспешил к выходу. Шагая к бане с затуманенной головой, казак едва не натолкнулся на старика с клюкой, медленно идущего ему навстречу.

– Здорово, молодец! – поприветствовал его старик, останавливаясь.

– И тебе здоровья желаю, – остановившись, с недоумением ответил Василий.

– Вы чьи казачки будете? – спросил старик, опираясь на клюку.

– Мы из первого отдела Оренбургского войска нашего, – ответил Василий. – Домой из Сибири добираемся, да никак вот не доберёмся.

– Да-а-а, далёко, вам пешком никак не дойти, – посочувствовал старик. – А как же на поезде?

– Было дело, и на поезде ехали, да вот, видать, приехали, – вздохнул Василий. – Из Омска до Челябинска доехали и нас из вагонов высадили. А теперь мы бошки ломаем, что делать и куда идти.

Старик внимательно оглядел его и горько ухмыльнулся.

– Да-а-а, не воякой ты глядишься, сынок, – прошамкал он сочувственно. – Твои эдак же выглядят?

– Да, не лучше, – вздохнул Василий, стыдливо опуская взгляд на разношерстные валенки.

– Сыновья мои тоже казаки, – погрустнел старик. – Двое на Гражданскую ушли и сгинули. Младший всё при нас был, а потом и его война забрала. Где он сейчас? Жив ли? Вот помрём со старухой, и похоронить нас некому. Взял бы вас к себе на постой, да мы со старухой сами в баньке старенькой прозябаем. Избу нашу спалили аспиды красные, вот и... – прервав себя на полуслове, он на мгновение задумался и продолжил: – Здесь, совсем недалеко, переселенцы ваши оренбургские проживают. До них рукой подать, вёрст сорок всего. Вы бы обратились к ним за помощью? Глядишь, и подсобят, не откажут, земляки ведь?

– Легко сказать, – ухмыльнулся Василий недоверчиво. – Сорок вёрст пешим ходом топтать – не на коне верхом проскакать. Мороз-то какой, да и выюжит вон шибко.

– И то верно, – кивнул, соглашаясь, старик. – А вы вот что: в другую деревеньку ступайте. Она совсем близко здесь притулилась. Версты три всего. Люди там незлобивые, поди не оставят души христианские, в беде оказавшиеся, на лютom морозе...

13.

Искать указанную деревню казаки отправились вшестером. Стремительно приближался вечер. Дошли до места, постучали в первый дом.

– Хозяева, пустите переночевать Христа ради.

– Ступайте себе, не задерживайтесь, бродяги проклятые! – прозвучал из-за двери визгливый женский голос. – Не уйдёте со двора, собак спущу!

Пожимая плечами, казаки пошли к соседнему дому, но и там их не пустили на порог. С просьбой о ночлеге они обошли почти всю деревню, но везде получали отказ.

– И что же делать нам теперь, станичники? – спрашивали они друг у друга. – Или помирать, или в Челябину вертаться?

– Айдайте дойдём до конца деревни, уже маленько осталось, – предложил Боев. – Ежели не пустят, то думать будем, как поступить...

Все с ним согласились и продолжили обход. Когда дошли до последнего дома, на крыльцо вышел высокий седой старик.

– Папаша, ради Христа, пусти нас переночевать хотя бы в хлев? – обратился к нему Василий. – Помрём ведь у тебя на дворе, ежели...

– Ишь чё, а где вы хлев в моём дворе увидели? – усмехнулся старик. – Да и избёнка моя, что конура собачья... – он с минуту помолчал, размышляя, а потом вдруг сказал: – Ладно, входите, не на улице же ночевать. В эдакий мороз до утра и в хлеву бы не дожили.

Крохотная, неказистая, с низким потолком изба была натоплена, а старик оказался приветливым и добрым. Когда казаки разделись, он обвёл всех долгим изучающим взглядом:

– Знаете, что, внучата... Сейчас в правлении заседание соберётся, решать будут, кому поручить дрова для паровозов в Челябинск возить. У нас вся деревня эдаким трудом занимается. А вам как раз в Полтавку и надо, так ведь?

– Туда, наверное, – пожимая плечами, ответили казаки. – Нам сказывали, что за сорок вёрст деревня есть, где проживают переселенцы из Оренбурга. Вот нам к ним надо попасть.

– Значит в Полтавку, – кивнул утвердительно старик. – Вот прямо сейчас собирайтесь и ступайте в правление. Хорошо, слёзно просите довести вас туда, поди не откажут.

Взгляды казаков с хозяина дома переместились на Боева.

– Василий, сходи ты? – попросили они. – Ты у нас самый бойкий, сходи, похлопочи?

Когда казак подошёл к правлению, там всюю шло заседание. Собравшиеся спорили, шумели. Василий пристроился в сторонке и стал терпеливо ждать. В конце концов волостной глава, он же председатель, назначил тех, кто поедет за дровами в Полтавку, и распустил людей по домам.

Когда все разошлись, в правлении задержались двое – глава и его помощник. С замирающим сердцем Василий подошёл к ним и, сняв шапку, обратился:

– Братцы, выручайте, отвезите нас в Полтавку, Христом Богом молю?

– Откуда ты, чучело огородное? – с сарказмом поинтересовался председатель. – Никогда тебя здесь раньше не видел.

– А я не из ваших мест, – ответил Василий. – Мы мимоходом в селение ваше заглянули.

– Понятно, вы бродяги, – усмехнулся помощник. – Сколько вас и где остальные ошиваются?

– Да здесь мы, недалече, – ответил Василий. – К старику одному на ночь напросились.

– Это он тебя к нам направил? – поинтересовался председатель, морщась.

– Кто же ещё, – кивнул Василий. – Надоумил, когда мы ему всё о себе рассказали.

– Раз так, то и нам поведдай, раз с просьбой явился? – заявил помощник. – Только поскорее, уже ночь на дворе.

– А что рассказывать, – почесал затылок Василий. – Казак я и те, кто со мной, тоже.

– Ну и что с того? – нахмурился председатель. – Чего вам в Полтавке понадобилось? И как вы к нам в село попали?

– Как-как, ногами притопали, – ответил Василий. – Поезд до Челябинки довёз, а дальше не поехал. Вот и порешили мы по-своему до дому добираться. Судьбина занесла нас в ваше селение.

– И куда вы путь держите, казаки? – поинтересовался помощник.

– В Оренбург нам надо, там наши станицы, – ответил Василий. – А в Полтавке земляки наши проживают. Ещё до войны они в ваши края переселились.

– Так вы за белых воевали во время войны? – усмехнулся председатель. – А теперь, после всего, ты осмелился к нам явиться помощи просить?

– А к кому ж идти прикажете? – округлил глаза Василий. – Вы власть, вот я к вам и пришёл.

– А почему ты решил, что мы помогать вам, врагам, возьмёмся? – едко спросил помощник. – Вы, может, бандиты беглые и вас везде ищут?

– Нет, мы не беглые, – замотал головой Василий. – Мы добровольно советской власти сдались. Нам и документ об том комендант омский самолично выдал.

Василий растегнул полушубок, достал завёрнутый в носовой платок листок и протянул председателю. Внимательно изучив документ, тот вернул его Боеву:

– Да-а-а, вроде бы всё в порядке. И подпись коменданта, и печать в наличии. Хорошо, я тебе верю.

– Тогда возьмите до Полтавки, братцы? – попросил Василий. – Не дойти ведь нам, сами знаете.

– Хорошо, довезём, – пообещал председатель и обратился к помощнику: – Иди с казаком к своему тестю и скажи, чтоб взял до Полтавки станичников.

– Нет, не пойду, – вдруг заупрямился тот. – Мы с ним разругались вдрызг вчера ещё. И мелькать у него лишний раз перед глазами не хочется.

– Ладно, поступим по-разумному, – сказал председатель и сел за стол. Он нацарапал на клочке бумаги несколько строк, сложил лист вчетверо и протянул Боеву. – Сейчас помощник тебе укажет, куда идти, передашь хозяину дома мою записку. Думаю, он возьмёт вас до Полтавки. А теперь прощай, станичник...

Помощник подвёл Боева к дому своего тестя:

– Вот, сюда тебе надо.

– Дык, как же я в избу в эдакий час войду? – задумался Василий. – Ведь даже света в окнах не видно.

– А свет сейчас мы зажжём, – пообещал помощник. Он схватил пригоршню снега, слепил комок и запустил его в окно дома «любимого» тестя. – А дальше ты сам, я пошёл. Смотри, будь осторожен, рука у моего тестя тяжёлая, можешь и по шее схлопотать ненароком...

Потоптавшись в нерешительности, Василий открыл калитку и вошёл во двор. Из темноты вдруг вынырнул злобно рычащий пёс и, даже ни разу не гавкнув, набросился на него. Казак успел лишь вскинуть правую руку и... Пёс впился в неё под мышкой. Придя в себя, Василий схватил собаку левой рукой за ошейник, изловчился, вывернулся и вместе с ней упал на снег. Он придавил пса к земле своим телом, после чего осторожно освободил правую руку. На крыльцо вышел хозяин.

– Эй, кто там, заходи!

Переступив порог, Боев привычно снял с головы шапку и перекрестился.

– Эй, ты чего? – удивился хозяин, во все глаза глядя на него.

– Как чего, я в избу с добром вошёл, – ответил Василий. – И в том, что я крестным знамением себя осенил, ничего худого нет.

– Ладно, крестись, если хочешь, а от меня-то тебе что надо? – хозяин отступил назад, чтобы получше рассмотреть гостя. «Высокий, здоровый и рябой, – подумал Василий, в свою очередь разглядывая его. – А кулаки, как наковальни кузнечные. Такой вдарит по башке одним только пальцем, и голова, наверное, целый день трещать будет...»

– Я вот записку от председателя принёс, – сказал он, протягивая листок.

Из-за печи вышла старушка и присела за стол.

– Подойди, сынок, – сказала она Боеву. – Ты сегодня кушал чего-нибудь?

– Ничего не кушал, – признался Василий. – Меня уже давно не кормил никто.

Старушка достала из-под стола горшок с молоком, налила стакан и подала казаку. Василий с жадностью выпил. Она дала ему кусочек хлеба, и он принялся его жевать.

– Это хорошо, что Бога чтишь и не забываешь, сынок, – сказала она тихо. – Господь – это любовь и добро. Люди вон сбесились все, храмы рушат, богохульствуют, стыд и совесть потеряли, а ты...

– Всё, мама, всё, – оборвал её на полуслове сын, дочитав записку. – Сколько можно говорить, что нет Бога и рая нет!

– Не гневи Господа, Костя, – нахмурилась старушка. – Бог есть, и он видит с небес грехи ваши, отступники! Вы ещё пожалеете об своём отступничестве от веры святой и время то скоро наступит!

Она встала из-за стола и удалилась на своё место за печь, а Василий...

– Собака тебя не покусала? – осведомился хозяин, с усмешкой глядя на жующего хлеб Боева.

– Есть немного, – сказал он. – Вся рука от крови мокрая.

– Ничего, тебе не привыкать, – ухмыльнулся хозяин. – Видать, с цепи сорвался, чертяка хвостатый. Ну, так сколько вас, кто в Полтавку ехать хочет?

– Вместе со мной шесть человек, – ответил Василий.

– Ладно, беру вас, – сказал хозяин, надевая валенки. – Поедем рано утром. Не явитесь вовремя – ждать не буду!

14.

Рано утром к дому приютившего казаков старика лихо подкатила двойка, запряжённая в широкие без бортов сани. Резвыми лошадьми управлял мужик, который пообещал Боеву отвезти их в Полтавку. Казаки сразу же поспешили к саням и стали рассаживаться на них, устраиваясь поудобнее.

– Спасибо, мил человек, – поблагодарил его Боев. – А мы в самый раз к тебе идти собрались.

– Пока вас дождётся, вечер наступит, – буркнул в ответ мужик. – Решили нынче пораньше выехать, вот я и заскочил за вами.

Проходившие мимо женщины остановились возле саней, разглядывая казаков.

– Да заморозишь ты их, куда до Полтавки довезёшь, – заговорили они взволнованно. – Сорок вёрст ведь по морозу!

– А я чего, – хмурился мужик. – У меня одёжки зимней лишней нет. Не хотят ехать, пущай здесь остаются.

– Обожди, не уезжай, сейчас мы...

Сердобольные женщины поспешили по домам и быстро вернулись. Они принесли всё, что жалко было выбросить, но казаки были благодарны им за это. Старую, ветхую, но способную держать тепло одежду быстро разделили и напялили на себя и стали похожи на самых настоящих бродяг, каковыми была полна послевоенная Россия.

– Эдак покажемся дома, все со смеху помрут, – улыбались они, разглядывая друг друга. – Ничё, всё теплее будет. В наших худых поддегайках мы бы сорок вёрст не выдюжили. Бабоньки, красавицы, спасибочко превеликое вам!

Возница взмахнул кнутом, и увлекаемая лошадьми «платформа» на полозьях рванула с места. Казаки не раз вспомнили добрым словом женщин, пожертвовавших для них лохмотья. Всё теплее было ехать под ледяным, обжигающим, морозным ветром.

«До станицы, Господь даст, доберусь, все энти лохмоты у околицы брошу, – думал Василий. – Со стыда сдохнуть можно, ежели увидит кто-нибудь. Эх, Господи Боже мой милостивый... Разве мог я когда-то подумать, что вот эдакое барахло на себя напяливать буду? Стыд и срам на мою головушку, но...»

Василий вспомнил, каким красавцем был когда-то давно. Коренастый, подтянутый, с выпущенным из-под фуражки чубом. Наипервейший жених в станице! Девицы заглядывались на него, а он «не замечал» их. Жили не тужили, а потом... Потом всё изменилось до неузнаваемости. Когда он вернулся с германской войны, не узнал родную станицу. И гумны, и амбары пустые, и люди изменились, злыми стали и подозрительными. И получилось так, что вернулся он с войны на войну. Другого не оставалось. Не взял бы в руки оружие, так...

Он задремал, а когда открыл глаза, увидел, что подъезжают к какой-то деревне.

– Эй, мил человек? – крикнул Иван Инякин вознице. – Энто что за селение такое, дозволю спросить?

– Полтавка это, – обернувшись, ответил тот.

– Как Полтавка? – оживились казаки. – Мы что, уже сорок вёрст отмахали зараз?

– Нет, поменьше, – отозвался возница. – Я дорогу во много крат срезал. Наш обоз ещё на половине пути к Полтавке, а мы уже здесь!

– А те, односельцы твои? Они что, короткого пути не знают?

– Знают, но ездить той дорогой предпочитают. Там деревенок много и есть где переночевать.

Уже въезжая в село, возница обратился к казакам:

– А где вас высадить, станичники? У кого из вас здесь сродственники есть?

– Нету никого, – ответили они. – Мы уже голову ломаем, где ночку провести, а днём мыслить будем, как дальше быть.

– Без денег, за просто так, вас никто на ночлег не пустит, деревня татарская, – огорчил их возница. – Можете в баню на ночлег попроситься или на худой конец на вокзал. Хорошо попросите, может быть, позволят одну ночь провести. Это я точно знаю...

– Тогда к бане вези, – сказали казаки. – Глядишь, помыться дозволят, да и заночевать где-нибудь в предбаннике?

К счастью, баня оказалась открытой. Казаки вошли и попросили разрешения помыться.

– А вы кто будете, шаромыжники? – спросил банщик, молодой красивый татарин лет тридцати. – Бродяги бездомные или...

– Мы не бродяги, а казаки. Домой вот возвращаемся из Омска, – ответил за всех Василий. – Дозволь нам помыться и переночевать где-нибудь в уголочке? Мы не здешние и не знаем, к кому на ночлег попроситься.

Банщик осмотрел их придиричивым цепким взглядом:

– Хорошо, помыться разрешаю, но только недолго. А ночевать здесь позволить не могу. Это баня, а не постоянный двор.

Внутри баня оказалась просторной и хорошо протопленной. Воды, как горячей, так и холодной, было достаточно. Казаки, вывернув одежду, вынесли её на улицу вшей вымораживать, а сами мылись отведённый банщиком час, наслаждаясь купанием.

Одевшись, они вышли на улицу и в нерешительности остановились.

– Жрать и спать охота, мочи нет, – вздохнул Михаил Комаров. – Ну что, станичники, айдайте побираться и ночлежку искать?

– Айдайте, – согласились казаки. – Нам жратву никто не принесёт, да и в избу не позовут тоже...

Они разошлись по селу, договорившись встретиться возле бани.

Василий обошёл семь дворов. В каждом дали по кусочку хлеба, но в ночлеге категорически отказали. Тогда он вернулся на условленное место, где его уже поджидали другие казаки. Они поделились друг с другом тем, чего удалось раздобыть, перекусили и... Снова возник вопрос о ночлеге.

– А что делать, – сказал Василий, – айдайте искать, кто на ночь пустит. Село большое, будем ходить, пока не найдём хорошего человека.

Согласившись с ним, казаки продолжили обход домов, но везде получали отказ. Когда они почти дошагали до железнодорожной станции, встретили мужчину. Остановились, разговорились, и он спросил:

– Эй, чего вы ходите по селу? Родственников ищите или ещё чего-то?

– Кабы родственников, – ответил Василий. – Мы ночлег ищем, негде голову приклонить. Не в сугроб же спать ложиться.

– Э-э-э, троих я возьму, – сказал татарин. – Кого, выбирайте сами.

Не выбирали и не спорили. Боев, Комаров и Инякин продолжили искать ночлег.

Они прошли ещё несколько дворов и, когда надежда умерла, их впустила в дом пожилая татарка. Она указала каждому место для сна, поставила на огонь казан и положила в него кусочек мяса. Истекая слюной, казаки терпеливо ждали, когда приготовится еда. Время тянулось медленно, слюна переполняла рты казаков, а урчащие желудки сводили спазмы. Наконец мясо было сварено. Женщина выложила его на поднос, порезала лепёшку и... Казаки с жадностью набросились на пищу. В течение нескольких минут они съели всё мясо, лепёшку и выпили весь бульон из казана. Всё это время молча наблюдавшая за ними женщина вдруг сказала:

– Базар завтра. Людей много приедет из соседних сёл и хуторов. Оренбургские переселенцы тоже приедут. Вы же их ищите?

Казаки переглянулись.

– Да, ищем. Но как ты про то проведала, хозяйюшка?

– Услышала, когда вы между собой переговаривались, – ответила женщина. – Сейчас спать ложитесь, а утром я разбужу вас. Хорошенько выспитесь и отдохните.

15.

Когда рассвело, татарка разбудила своих временных постояльцев.

– Ступайте на базар, – сказала она. – Сейчас самое время... Все в этот час съезжаются.

– Может, подсобить тебе чем, хозяйюшка? – спросили Комаров и Чекалин. – Отплатить хотим за доброту твою и заботу о нас.

– Хорошо, – вздохнула женщина. – Можете дрова наколоть, если желание есть, а один из вас пусть на базар идёт.

– Василий, ступай ты, – сказали Михаил и Иван. – А мы тут подсобим маленько хозяйюшке.

– Я пойду, – сказал Василий. – Сами знаете, что люблю я на базары хаживать. Там мне всегда люди хорошие попадаются...

Базар в Полтавке оказался огромным. Как по территории, так и по количеству торговых мест его вполне можно было бы сравнить с базарами Омска или Челябинска. Аппетитного вида продукты радовали глаз и огорчали желудок. Мясо, сало, колбасы, творог, сыр, молоко... Казалось бы, разорённая Гражданской войной страна должна быть голодной и нищей, но, глядя на это изобилие, можно было подумать, что люди живут в богатой и процветающей России!

Прохаживаясь между рядов, Василий вдруг увидел знакомое лицо и остановился.

– Здорово, Иван Петрович! – сказал он, внимательно разглядывая высокого мужчину с пышными усами и широкой окладистой бородой.

Мужчина недоумённо взглянул на него. Он не узнал Василия в его скоморошьем наряде. Да и трудно было узнать ему казака Боева, так как прошло тридцать лет с тех пор, как семья Ивана Петровича переселилась из Оренбуржья сюда, под Челябинск. Чтобы его родственник Чернев хоть что-то вспомнил, Василий назвал имя и фамилию своего отца. Лицо Ивана Петровича расплылось в широчайшей улыбке.

– Ах, вот ты чей сын! – воскликнул он. – Да-да, когда мы из Павловской станицы уезжали, ты был ещё юнцом-стригунком. А здесь ты чего делаешь? Да и видок у тебя, ой-ё-ёй?!

Они обнялись и расцеловались.

– Я эдак домой возвращаюсь, – вздохнул Василий, освободившись из крепких объятий родственника. – Покуда из Омска только сюда удалось добраться. Как дальше быть, не знаю. И те, кто со мной, тоже того не ведают.

– Так ты не один? – оживился Иван Петрович. – А остальные где? Тоже здесь на базаре?

– Шестеро нас, – сказал Василий. – Все земляки мы. А на базаре я один.

Иван Петрович с минуту подумал и предложил:

– Ты вот чего, ступай и собери всех. Я покуда продам, что привёз, и вас всех с собой заберу. Наш хутор здесь, поблизости. Отдохнёте, покушаете и о себе расскажете.

На том и порешили. Казаки подошли к базару к назначенному Иваном Петровичем часу. Он уже поджидал их, прохаживаясь вокруг саней. Увидев земляков, одетых во что попало, Чернев сначала развёл руками, покачал головой и указал на сани. Василию места не осталось.

– Ну что ж, поезжайте, а я пешком пойду, – сказал он, пожимая плечами. – Только укажи, в которую сторону, Иван Петрович.

– Да ты ступай по дороге прямо, – заторопился тот. – А я казаков отвезу и сразу за тобой возвращусь.

Он взмахнул кнутом, и резвый конь помчал казаков вдоль по улице к выезду из села. Проводив их долгим взглядом, Василий глянул на свои растоптанные валенки, вздохнул и пошагал в указанном направлении. Шагая по наезженной санями дороге, он думал: «Вот ещё маленько к дому приближаюсь. А до Павловской, станицы моей, ого-го ещё как далеко. Сейчас покуда мал-мал везёт нам, а вот опосля что будет? Попадутся ли ещё на пути хорошие люди? Как жаль, что до Челябы нас только довели. Ежели бы и дальше на поезде, дык давно бы уже дома были...»

Так, размышляя, он не заметил, как прошёл три версты, и вдруг увидел мчащиеся навстречу сани. Поравнявшись с ним, ловко управлявший лошадью возница развернулся, натянул вожжи и крикнул:

– Я за тобой, садись давай!

Василий уселся на мягкую соломенную подстилку.

– Но-о-о! – крикнул возница звонким юношеским голосом, и конь помчался вперёд, легко, как пушинку, потянув за собой сани с седоками.

16.

Ехали недолго. Паренёк мастерски управлял конём и отлично знал дорогу. Вскоре показался хутор. Возница лихо прокатил Василия по единственной улице и остановил сани у большого дома. Бросив вожжи, он забежал во двор, вскочил на крыльцо и, открыв дверь сеней, закричал:

– Бабка! Вот казака из первого отдела привёз! Он Черневым родня!

Василий Боев не спеша вошёл в дом. Там его встретила пожилая женщина и тут же пригласила гостя к столу, поставив перед ним полную миску супа. Василий с жадностью набросился на еду.

– Завтра Рождество Христово, – сказала вдруг старушка, когда он отодвинул от себя миску. – А у меня банька натопленная. Не хочешь помыться, чтобы перед святыми иконами чистеньким помолиться?

Василий растерялся.

– А я ведь запамятовал об том, – сказал он сконфуженно. – Мотаюсь туда-сюда по свету белому, веру в Христа не утратил, а вот праздники из башки все выветрились.

– Господь добр, он любит детей своих, – улыбнулась старушка. – Важно, что не отрёкся ты от Спасителя и душа твоя...

В дом вбежал внук.

– Эй, дядя, собирайся! Сейчас тебя к Черневым отвезу! – выкрикнул он.

– Постой, обожди, внучек? – нахмурилась старушка. – Так ведь и завтра можно отвезти? Устал человек с дороги.

– Нет, велено сейчас привезти его, – замотал головой юноша и посмотрел на Боева. – Эй, дядя, я тебя в санях подожду.

Поблагодарив хозяйку дома за тёплый приём и сытный ужин, Василий оделся и вышел на крыльцо. Уже стемнело. Возница быстро домчал его до соседнего хутора и, высадив пассажира, укатил обратно. «Вот пострел, – подумал Боев с усмешкой. – Хоть бы показал, где Черневы живут...»

Вдруг, откуда ни возьмись, к нему подошла женщина.

– Здравствуй, Вася!

– Здравствуй? – ответил он, оторопев.

– Айда ко мне, – пригласила она. – Я вон, рядышком живу.

Незнакомка подвела его к дому, открыла дверь и, пропустив вперёд, вошла следом. Оказавшись в жарко натопленной избе, Василий, увидев за столом мужчину, в нерешительности остановился. А тот быстро встал и с распростёртыми объятиями двинулся к нему навстречу. Они обнялись. Мужчина отошёл на пару шагов назад, и... Будто молния сверкнула над Василием, пронзив его насквозь.

– Артюшка, ты? – спросил он нерешительно, узнав двоюродного брата.

– А ты думал, – довольно улыбнулся тот. – Я тоже тебя едва узнал в твоём наряде скоморошном. Да и валенки на тебе – один белый, другой чёрный.

– Да-а-а, давненько мы не виделись, – усмехнулся Василий, сбрасывая шубу. – Много годочков минуло с тех пор, как ты с родителями из станицы нашей уехал.

– С тех пор вот здесь мы и живём, – улыбаясь, сказал Артюшка. – Я...

Он не договорил. В дом вошла девушка, которую Боев не видел никогда.

– Здорово, Васенька, – сказала она, и Боев в недоумении заморгал, глядя на её красивое смеющееся лицо.

– Здравствуй, девица, – сказал он. – Только вот не знаю, как звать и величать тебя.

– Сеструха моя, как и ты, двоюродная, – сказал Артюшка и посмотрел на девушку. – Ну, с чем пожаловала, егоза?

– А я вот за Василием пришла, – кивнула девушка на Боева. – Матушка за ним послала, так что...

– Обожди, да как же я пойду? – смутился он. – Меня только что здесь приветили. Я тут, у Артюшки, заночую, а завтра...

Девушка ушла, но вскоре вернулась.

– Айда, Васенька, мама зовёт! – сказала она настойчиво. – Слышать ничего не хочет и в нетерпении ждёт.

«Во как бывает, – подумал Василий, пожимая плечами и вставая. – Было дело, на порог переночевать люди не допускали, а нынче, видишь ли, нарасхват я. Нет, это только милость Божья и чудо, иначе никак не назовёшь!»

17.

У Черневых изба была полна народу. Собрались дальние родственники, которых Боев не видел много лет. Пообнимавшись с мужчинами, расцеловавшись с женщинами, он наконец-то облегчённо вздохнул и...

– Василий, сходи-ка ты в баньку, – предложил Иван Петрович. – Бельишко своё в печку сунь, мы тебе другое дадим.

Предложение очень понравилось Василию: грязное, истерзанное вшами тело чесалось до зуда. Баня оказалась натопленной докрасна. Пока Василий хлыстался веничком и мылся, Черневы принесли ему чистое бельё, верхнюю одежду вынесли на мороз, а гимнастёрку и штаны с лампасами залили в тазу кипятком.

Когда Василий вышел из бани, с удивлением обнаружил, что наступило утро. Он не заметил, что мылся всю ночь. Большая семья Черневых ждала его возвращения за столом. Задёрнув шторы окна, тихо помолились.

– Ну а теперь пора отвести черёд праздничной трапезе, – сказал Иван Петрович, вздыхая. – Вот, дожили... Рождение Христа чуть ли не в подполе встречаем.

– Нынче все эдак поступают, – поддержал дядю племянник Никодим. – Ежели власти прознают, что Христа празднуем, то всем зараз не поздоровится.

– Да-а-а, нынче не знай, чего от властей ждать, – посетовала супруга Ивана Петровича Пелагея. – Вон продразвёрсткой своей всех измордовали, нехристи окаянные. Изначально хлебушек и зернофураж вывозили, а теперь картошку и мясо выгребают.

– А деньги хоть дают? – любопытствовал Василий. – Когда мы красным сдались, они у нас всё забрали – и оружие, и коней. За оружие кукиш показали, а за коней денег дали.

– И много ли дали? – хмуро глянул на него Иван Петрович. – Вижу, ты не слишком-то богатый. А продовольствие у нас забирают тоже за деньги, только на них хрен чего купишь. Так, бумажки они сейчас, деньгами называемые.

– Тогда чего на базар ездите? – округлил глаза Василий. – Ведь чем-то вы там торгуете? Я в Омске базар видел, в Челябине тоже... Да и ваш ничем не хуже тех.

– От некуда деваться на базар ездим и торгуем там, – вздохнув, перекрестился Иван Петрович. – Продотряды красные в первую очередь на базары наведываются. Скупают всё за бумажки денежные и уезжают с глаз долой. А вот ежели прекратить торговлю на базаре, тогда они по сёлам, станицам и хуторам ездить начнут. А уж тогда несдобровать всем нам, всё подчистую выгребут.

– Они ведь что говорят, – продолжил кум Савелий, – будто излишки собирают, чтобы горожан и Армию Красную кормить. А когда приезжают, не только излишки, всё выгребают. Зерно семенное, скотину под нож... А потом выдадут деньги никчёмные, и айда, разжигай ими печку али в нужнике зад подтирай. Армию ихнюю и городских кормить, видишь ли, надо, а мы хоть помирай. Можно по одному, а можно и все разом.

– А ежели не отдавать того, за чем приехали? – сказал Василий. – Встать грудью всем хутором за своё?

– Пробовали эдак и не раз соседи наши, – покачал головой Иван Петрович. – Тогда продотряд уезжает, а вместо них чоновцы налетают, слышал про эдаких стервятников?

– Слышал, – кивнул Василий. – Только худое знаю про них, как про карателей красных. Они не на фронтах, а по тылам, с жителями мирными воюют, так ведь?

– Эдак оно и есть, – загудела за столом родня. – Когда в село или на хутор явятся, только держись. Никого не щадят, аспиды красные...

– Вот эдак и живём, – развёл руками Иван Петрович. – С властью ладить научились, и покуда Господь милостив к нам.

– Васенька, а ты бы об себе обсказал? – попросила Пелагея. – На тебя эвон глядеть страшно. Где же ты, касатик родненький, эдак долго пропадал?

– Нет, изначально предлагаю выпить в честь праздника великого и вкусить чего Господь послал, – заявил хозяин. – Гость наш куда не торопится. Он ещё обскажет нам, куда заносила его судьбина нелёгкая. Слава Иисусу Христу нашему, что жизнь ему сохранил и в нашу избу путь указал.

«Да, Господь истинно вас любит, – подумал Василий, разглядывая заставленный яствами стол. – Интересно, как мои живут там, в станице Павловской? Эдак же, как здесь, или...»

Он отвлёкся от своих мыслей, когда перед ним поставили дымящийся пирог с картошкой и мясом. Все выпили, закусили, ещё выпили.

– Ну ты чего, Василий, надолго ли к нам? – поинтересовался Иван Петрович, когда они вышли на крыльцо покурить.

– А что, надоел уже? – пошутил Боев.

– Да нет, не надоел, – усмехнулся, оценив шутку, Чернев. – Я вот к тому любопытствую, что добираться до дома в стужу эдакую долго придётся. Поди родственников, кто напоит и накормит, больше не встретишь.

– Мир не без добрых людей, – вздохнул Василий. – Покуда ещё на улице замерзать не оставляли.

– Как знать, как знать, – вздохнул Иван Петрович. – Могёт быть, что и на порог не пустят. Ты бы остался у нас до весны али до лета? Когда тепло, в пути легче – заночевать под любым кустом можно.

– Нет, не могу я, – покачал головой Василий. – Истосковался по дому. Знать хочу, как мои там поживают. Издёргался уже в тревоге о них.

– Что ж, хозяин-барин, удерживать не стану, – ухмыльнулся Чернев. – А вот покуда гостишь у нас, хорошенечко над моими словами поразмышляй. Лихих людишек можешь встретить на пути своём. Нынче эдаких много развелось.

– Ну и что с того? – пожал плечами Василий. – Всё одно взять с меня нечего.

– А жизнь? – покосился на него Иван Петрович. – Или ты уже не дорожишь ею?

– Дорожу, брехать не буду, – ухмыльнулся Василий. – Вот только кому она нужна, моя жизнь? Да и от смерти не спрячешься, ежели она за мною придёт. А где и в какой час она меня поджидает, это не дано знать. Всё, что на роду написано, тому и бывать, так вот...

18.

У родственников Боев прожил три дня, а потом засобиравшись домой. Вместе с ним решили отправиться в путь и Иван Рубцов и Михаил Комаров. Остальные казаки уже покинули хутор.

– По мурлу твоему довольному вижу, что домой собрался, – хмуро буркнул Иван Петрович. – Что ж, вольному воля. Видать, не шибко ты раздумывал над словами моими.

– Думал-думал, всю башку сломал, – вздохнул Василий. – Только не могу я на шее вашей до весны высиживать. Изба моя, хоть и не рядышком, а уж больно шибко меня манит.

– Что ж, ступай, раз так, и береги себя, – развёл руками Чернев. – Харчей в дорогу соберём, и... Я ещё тебе наган дам с патронами. Мало ли чего случиться может.

Боев пожал плечами и покачал головой.

– За харчи, конечно, большущее спасибо, – сказал он. – А вот наган мне без надобности.

– Чего так? – удивился Иван Петрович. – С оружием всё спокойнее в пути будет.

– Нет, не нужна мне пукалка эта, – заявил Василий. – Толку мало, лишь морока одна. Да я и стрелять из нагана не обучен. Для меня карабин привычнее да сабелька вострая.

– Могу и карабин дать, – улыбнулся Чернев. – Только зачем он тебе? Людей пужать? Его ведь под одежду не спрячешь.

Боев промолчал, а Иван Петрович вдруг ухмыльнулся и поднял вверх указательный палец.

– Вот чего, я тебе обрез дам, раз наган не хотишь, – сказал он, довольный пришедшей в голову мыслью. – Ежели что...

– Постой, а пулемёта у тебя нет? – не дав ему договорить, улыбнулся Василий. – Вот с ним ещё спокойнее будет. Как увидят, так разом разбегутся все.

– Нет, чего нет, того нет, – усмехнулся Чернев. – А жаль, в хозяйстве «максимка» сгодился бы. Ну-у-у... Раз не берёшь оружия, то... – не договорив, он развёл руками.

Собирая Василия в дорогу, родственники не поскупились, набили его вещмешок продуктами. Иван Петрович подарил ему ношенный, но добротный тулуп и дал новые валенки.

– На-ка, возьми вот ещё, – протянул он отточенный, как бритва, австрийский штык. – Ежели вдруг что, хоть отмахнуться чем будет.

– Нет, не надо мне никакого оружия! – запротестовал Василий, но родня настояла на своём.

– Мясо, хлебушек порезать, – «увещевала» его Пелагея. – Это ведь не ружьё, стрелять не придётся.

Поддавшись уговорам, Василий взял штык, и родственники успокоились. Очередной раз выслушав наказ и напутствия Ивана Петровича, он поочерёдно обнялся и расцеловался со всеми, после чего уселся в сани вместе с Рубцовым и Комаровым. Возница тут же лихо присвистнул, дёрнул за вожжи, и лошадка резво помчалась по хуторской улице.

19.

Вот уж неделю брели казаки через Башкирию увалами, косогорами, паделями, лощинами. Выбившись из сил, останавливались передохнуть и шли дальше. По пути заходили в сёла, но на ночлег их пускали всё реже и реже.

– Ещё пару дней, и жратва закончится, – сказал на привале в лесу Михаил Комаров. – Чем ближе к дому, тем злее люди.

– И я заметил то же самое, – вздохнул Иван Рубцов. – Ладно уж в избы не пускают, понять можно: бояться вшей занесём или украдём чего-нибудь. А вот те, кто мимо на санях едет, почему не берут? Не на себе ведь тащить нас, верно, братцы?

– Ну почему, кто-то и подвозит, – сказал Василий, грея над костром руки. – Как-никак, а Башкирию перешли. До дома совсем маленько остаётся.

– А я погреться в избе у печи мечтаю, – сказал Михаил. – Ладно, пока морозы терпимые. А вот придавит покрепче, и костры не спасут. Один бок отгорит, а другой отмёрзнет.

Когда казаки вышли из леса в степь, поднялась пурга. К вечеру у них уже совсем не осталось сил противостоять стихии, и Василий перестал верить, что им удастся спастись. Только мысль о доме и упрямая злость двигали им. Он упорно шагал вперёд, шатаясь и падая, и, словно тени, следовали за ним Комаров и Рубцов.

Спасение пришло неожиданно. Силуэт человека вдруг вырос у них на пути, словно он вышел из непроницаемой снежной пелены. Казаки замерли на месте, не веря своим глазам.

Человек что-то прокричал, но они из-за воющего ветра не разобрали его слов. Тогда он призывно махнул рукой, развернулся и пошагал куда-то в сторону. Казакам ничего не оставалось, как последовать за ним. Утопая по пояс в снегу и выбиваясь из сил, они продолжали путь гуськом. Внезапно незнакомец остановился и обернулся.

– Ждите здесь! – крикнул он Василию и словно растаял в пурге.

Иван и Михаил приблизились к Боеву.

– А куда это он? – прокричал Рубцов. – Чего он тебе сказал, Василий?

– Велел здесь оставаться и его дожидаться.

– А ты не разглядел его рыло? – прокричал Михаил. – Он больше на лешака, чем на человека, похож.

– Он... – Василий хотел ответить колкой фразой, но, открыв рот, захлебнулся ветром.

Незнакомец появился рядом так внезапно, словно не уходил никуда. Он махнул рукой и почему-то пошагал в обратном направлении.

– Он что, сам дорогу сыскать не может? – прокричал Рубцов озабоченно.

– И эдак может быть, – отозвался Василий. – В эдаком аду сам Сатана заплутать могёт! Незнакомец шагнул уверенно. Измученные казаки с трудом поспевали за ним. Спустя четверть часа они дошли до какого-то дома. Внутри за столом сидели несколько бородатых мужчин. Они молча потеснились, уступая место вошедшим.

Казаки разделись, перекрестились, глядя на висевшие в углу образа, и присели за стол. Боев поклонился спасшему их человеку:

– Спасибо, уважаемый, из беды нас вызволил! Век не забудем твою доброту.

В ответ мужчина лишь кивнул, но не проронил ни слова. Василий сел и стал с интересом рассматривать сидевших за столом. Суровые и молчаливые, они походили на казаков, хотя одеты были кто во что, но прилично. Мужчина, что привёл их в дом, хозяйничал у печи. Его лицо показалось Василию знакомым.

– Кто вы? – спросил «спаситель». – Какой чёрт занёс вас в степь в эдакую погоду?

– Мы казаки из первого отдела Оренбургского казачьего войска, – ответил Михаил Комаров. – Возвращаемся домой из Омска, а вы кто?

– То, что вы казаки, я и так вижу, – сказал мужчина, хмуря брови. – А кони ваши где? А где оружие? Наград и тех я на ваших мундирах не вижу?

– Дык мы... – казаки переглянулись, не зная, что ответить.

– Как есть отвечайте, чего замолчали? – забарабанил по столу «спаситель». – Из плена красного бежали или из армии дезертировали?

– Мы энта... – Боев посмотрел на Комарова и Рубцова и, с их молчаливого согласия, продолжил: – Мы не дезертиры и в плену не были. Сдались в Омске всей сотней красным, а теперь вот до дома добираемся.

– Уж лучше бы вы дезертирами были, – сжал в ярости кулаки мужчина. – Тогда, глядишь, мы бы вас и помиловали...

20.

В этот день с казаками больше никто не разговаривал. Им дали по куску хлеба и стакану кипятка, после чего заперли в чулане.

– Хорошо хоть не в хлеву, – сказал Комаров, располагаясь в уголке. – Здесь пусть не изба, но не так уж холодно.

– Э-э-эх, судьбинушка моя, судьбина, – посетовал Рубцов, укладываясь на пол в другом углу чулана. – Шёл себе домой и шёл, а пришёл... Кабы знать, к кому привели меня мои ноженьки. Вроде как на казаков похожие, но не казаки. Хотя и не красные тоже.

– К разбойникам мы попали, братья, – вздохнул Василий. – И атамана ихнего, который нас из степи сюда привёл, я знаю. Его зовут Егор Осипов, он казак из Павловской станицы.

– Ну вот, будем знать, от кого смерть примем, – усмехнулся Михаил. – Знать бы вот только ещё, за что?

– Ему не понравилось, что мы красным сдались, – ухмыльнулся Иван Рубцов. – Сами слышали слова его.

– А я когда-то Егорке жизнь спас, – сказал Василий. – Он мальцом под лёд на реке провалился, а я вытащил его.

– Вот теперь он пулей тебя отблагодарит за своё спасение, – пробубнил Михаил. – И нас заодно приголубит, чтоб тебе не обидно было.

Василий пожал плечами.

– Помню, он мальцом добрым был, хорошим, – сказал он. – И семью его я хорошо знал. Тоже люди достойные и порядочные. А за спасение своё он меня уже отблагодарил нынче. Не вывел бы он нас из степи, то...

– Да будя тебе хреновину нести! – возмутился Иван. – Ну, вывел он нас, и что с того, спрашиваю? Уж лучше бы я сгинул, чем расстрелянным быть рукой бандитской.

В избе слышались шаги и скрип половиц. Щёлкнул засов, открылась дверка, и в темноте прозвучал громкий требовательный голос:

– Эй, кто из вас Боев будет? А ну на выход, атаман зовёт.

– Видать, и Егорка признал меня, – вздохнул Василий, вставая. – Я здесь свою фамилию не называл и, кроме него, никого не знаю.

Атаман разбойников сидел на своём месте во главе стола, за которым больше никого не было. Когда Василий в нерешительности остановился перед ним, Осипов предложил ему сесть. Боев беспокойно заёрзал на табурете. «Нет, сейчас не расстреляет, – думал он. – Не будет в избе гадить. А вот поколотить могёт. Не бывшее же вспоминать он меня вызвал?»

– Изменился ты, Василий, но я сразу узнал тебя, – сказал Егор с едкой усмешкой. – Вот посудачить с тобой захотелось. В последний раз, как я помню, мы с тобой виделись, когда воевали бок о бок в армии Дутова. А потом я был ранен тяжело и в госпиталь определён, а ты...

– А я воевал ещё и у Дутова, и у Колчака в Сибири, – продолжил Василий.

– Славное начало, хреновый конец, – сделавшись серьёзным, сказал Осипов. – Вроде бы и воевали неплохо, а вот в заднице очутились. Власть кругом большевики прибрали, а теперь изгаляются над народом почище всякого иностранного вражины.

– А ты, как я вижу, не подчиняешься их власти? – осторожно поинтересовался Василий. – Скажи, ежели не прав я. Просто мысли эдакие в башке вертятся.

– Угадал, и мысли твои верные, – согласился Егор. – Я власть большевистскую советскую всем нутром ненавижу. Особливо после того, как они всю семью мою изничтожили. Я им теперь до гробовой доски этого не прощу и буду воевать с ними, покуда рука не дрожит и ноги носят.

– Да у тебя народу-то всего-ничего, – усомнился Василий. – Нас шестьдесят шесть человек было, и то красным сдались, а с тем числом, коим ты располагаешь, много не навоюешь.

– Это как сказать, – нахмурился Осипов. – Мы не числом сильны, а умением с красными воевать могучи. Как, тебе знать не обязательно. Для войны любые способы хороши.

Атаман сходил за печь и вернулся с бутылкой самогона.

– Расскажи-ка мне, Василий, про жизнь свою? – сказал он, наполняя стаканы. – А я между тем подумаю, как поступить с вами. Своё решение опосля скажу, как тебя выслушаю.

Василий рассказывал о себе не торопясь и ничего не утаивая. Осипов слушал его внимательно, не перебивая. Василий делал короткие паузы, чтобы выпить или закурить, после чего продолжал своё повествование. Когда он замолчал, атаман разбойников ещё некоторое время сидел в глубокой задумчивости.

– Да-а-а, несладко вам пришлось, – сказал он наконец, расправляя плечи. – Но это не оправдывает ваш трусливый предательский поступок!

– К-какой поступок? – не понял Василий.

– То, что вы с таким числом и с таким оружием красным сдались! – помрачнев лицом, сжал кулаки Егор. – Надо было не сдаваться, а в бой вступить и погибнуть героически!

– Это ты со своей колокольни эдак мыслишь, а мы по-другому мыслили, – вздохнул Василий. – Навоевались все до тошноты, до блевотины. Колчак сбежал, а мы... Домой всем захотелось, а не головы складывать.

– Вот потому вы и трусы, а не герои, – хмыкнул Осипов. – И как вас красные отпустили, а не расстреляли в чистом поле?!

– Сами удивляемся, – пожал плечами Василий и рассказал про горы трупов во дворе омской семинарии.

– Вот это на большевиков похоже, – тут же согласился с ним Егор. – Ну ничего, мы тоже не шибко-то жаловали и жалуем красных «товарищей». На то она и есть война Гражданская.

Так, за разговором, они опустошили ещё одну бутылку, покурили, и... Атаман подвёл черту разговору.

– А теперь мою волю выслухай, земляк Боев, – сказал он. – Отпустить вас я не могу, хоть и желал бы того. Вы можете навести на наш хуторок чоновцев. А потому так порешим. Или вы вступаете в мою сотню и искупляете кровью вину свою за предательство казачества, или будете утром расстреляны как трусы и изменники! А теперь ступай в чулан и передай своим! Ну а утром я вас выслушаю.

21.

Как только наступило утро, атаман выстроил своих бойцов и приказал вывести из чулана пленников. «Ого-го, – подумал Василий, разглядывая Егоркино войско. – Да их тут не менее сотни! А где же все они...» Вопрос отпал сам по себе, когда он разглядел в стороне ещё несколько изб, которые не заметил вчера из-за сильной пурги.

Осипов громко крикнул:

– Ну? Каково будет ваше решение, сказывайте?

Боев, Комаров и Рубцов переглянулись. Они не знали, что ответить на вопрос атамана. Они не спали до утра, обсуждая его предложение.

– Мы энто... – откашлявшись, заговорил Василий. – Мы не хотим больше воевать, поймите нас? Мы домой хотим, отпустите нас, братцы?

Строй разбойников возмущённо загудел. Им не понравился ответ Боева.

– Быть посему, энто ваш выбор, – сказал атаман. – Тогда прощевайте, тараканы запечные. Я предлагал вам искупить свой грех, но вы выбрали обратное. – Он привстал на стременах и громко крикнул: – Гришка?!

– Здесь я, атаман, – выбежал коренастый бородатый мужчина и замер, ожидая приказаний.

– Этих, – Осипов вытянул руку с нагайкой в сторону казаков, – вывези в степь подальше и... – Он описал нагайкой круг, и все поняли, что означает этот жест.

– Всё понял, атаман, – кивнул Гришка и обернулся к строю: – Мишка, Кузьма, а ну вяжите энтих нехристей и в сани!

Казаков мгновенно раздели, связали и уложили в сани. Сверху на них набросили какие-то старые шубейки, и... Гришка взял в руки вожжи.

– Браты! – закричал атаман стоявшим в строю разбойникам. – Разведка сообщила, что приближается большой обоз с хлебом, отобранным продотрядовцами у наших братьев казаков и крестьян бесхребетных! Так вот, сейчас мы выступаем, и... Заберём у нехристей ими награбленное! Не щадить никого! Продотрядовцы и чоновцы тоже не церемонятся с нашим братом!

Сняв шапки, разбойники помолились, затем вскочили в сёдла, и лишь после этого Гришка дёрнул за вожжи. Долго ехали казаки в санях, сами не зная куда. Крепко связанные руки и ноги не позволяли шевелиться. Да и разговаривать они не могли, так как рты были заткнуты кляпами. «Куда же он нас везёт? – думал Василий. – Шлёпнул бы побыстрее, и вся недолга. Наверное, туда завезёт, где никогда люди не ходят. Свалит в сугроб, и хоронить не надо. А может, зря мы в Егоркину банду не вступили? Может, выбрали бы момент и...»

– Тпру-у-у! – выкрикнул вдруг Гришка, и сани остановились.

«Вот и всё, – подумал огорчённо Василий. – Видимо, вот он, конец моего пути жизненного. Интересно, как он нас кончать собирается. Перестреляет по одному или зарежет? Хоть бы сразу насмерть, а то будем мучиться, от ран и мороза изнемогая...»

Возница снял с них шубы, и Василий увидел в его руке подаренный Иваном Петровичем штык. «Ну вот и всё, – снова подумал он и зажмурился в ожидании удара. – Кого же первым пырнёт этот страшила – меня или...»

Но Гришка никому не нанёс смертельного удара, а перерезал верёвки на руках и ногах Боева. Затем он освободил его рот от кляпа. Пока удивлённый Василий растирал затёкшие запястья, Гришка освободил Комарова и Рубцова.

– Одевайтесь, – сказал он. – Атаман дарует вам жизнь и свободу, радуйтесь...

– Как это? – казаки переглянулись. – Дык он...

– Валенки здесь, в соломе, сыщете, – продолжил возница, отвязывая от саней пристяжного коня. – Атаман вам сани с кобылякой дарует, чтоб до дома быстрее добрались.

Он взобрался в седло и вытащил из валенка штык.

– Вот энту хреновину тоже возьмите, – сказал он, ухмыльнувшись. – А коня и сани атаман Ваське Боеву подарил. Харчи в дорогу тоже в соломе сыщете, а теперь прощайте, казаки!

Гришка подстегнул коня нагайкой и вскоре исчез из виду в бескрайней степи.

– Я отказываюсь верить в то, что случилось, братья, – воскликнул Михаил Комаров. – Нас что, помиловали, эдак получается?

– Получается, что так, – вздохнул облегчённо Рубцов, извлекая из соломы пару изъеденных молью и растоптанных валенок. – А я уж с жизнью распростился, куда ехали, и все молитвы, кои на ум пожаловали, перечитал.

– Я тоже молился слёзно, – признался Михаил. – Я много знаю молитв, но не мог вспомнить и половины.

Он извлёк из соломы пару валенок, которые оказались ещё «краше», чем у Рубцова, и натянул их на ноги.

– Вот и харчишки тут, – сказал Михаил, развязав мешок, найденный в санях. – Ну-ка, чего тут нам разбойнички положили?

Казаки сели перекусить.

– Обскажи нам, чего ты там наговорил атаману, что заставил его эдак расщедриться? – спросили Василия товарищи.

– Да ничего особенного, – пожал он плечами. – Я же вам рассказывал, что мы жизнь свою давнишнюю вспоминали. А то, что он эдак поступит, ей-богу не ожидал.

– А ну хватит рассусоливать, – оживился Михаил, усаживаясь в сани и беря в руки вожжи. – В дороге вдосталь наговоримся, а сейчас поспешать надобно, куда атаман не передумал и за нами вдогонку не погнался...

22.

Казаки ехали ещё дня три, но уже никуда не заезжали и не просились на ночлег. Чего только ни передумал Василий за это время. И все мысли его были о доме. Он много раз представлял, как встретят его родители, жена, дети... Все эти годы он тосковал по родному краю, и эти воспоминания грели его душу, давая силы, чтобы выжить и вернуться домой.

Они подъезжали к станции Павловской. Наезженная санями дорога юлила среди занесённых снегом овражков. Как роскошно и вольно вокруг! Здесь совсем рядом река. Сейчас она скована льдом, но... Прошли годы, а словно и не изменилось ничего. Разве что лес ещё больше приблизился к околице. Сердце переполнялось радостью и волнением от предстоящей встречи с родными.

Конь, словно чувствуя настроение хозяина, хоть и устал за долгую дорогу, наострив уши, ускорил бег.

– Василий, придержи, мы сойдём, – попросил Иван Рубцов.

– Чего так? – обернулся, натягивая вожжи, Василий.

– Мы к своим избам пешком пойдём, – сказал Михаил Комаров. – Отсюда до станиц наших рукой подать.

– Да чего вы? – изумился Василий. – Погостите у меня денёк-другой, а уж опосля коня возьмёте и сани.

– Нет, и конь твой, и сани твои, – замотали головами казаки. – Тебе их подарили, вот и пользуйся. А за приглашение погостить спасибо, но в другой раз. Мы тоже по своим семьям соскучились.

Они обнялись и расцеловались на прощание, со слезами на глазах пожали друг другу руки. Василий поехал дальше один.

Много было изб в станице Павловской, когда он уходил на войну, а сейчас... Он не мог найти избы Матвея Воронова. Вместо неё виднелись занесённые снегом руины. Та же участь постигла дома Титовых и Барсуковых. Станица словно уменьшилась наполовину, и это зрелище встревожило Василия.

Увидев свою избу, он вздохнул с облегчением. На крыльце показался мальчуган. Горячая волна прокатилась в груди Василия и слёзы навернулись на глаза. «Энто мой малец», – подумал он с умилением.

Из избы вышла женщина с пустыми вёдрами в руках. Василий задрожал от возбуждения, узнав жену. Глядя, как она набирает из колодца воду, он часто-часто дышал и шмыгал носом. Слёзы застилали глаза, скатывались по щекам и застывали на усах и бороде.

Стоявший на крыльце сынишка что-то крикнул. Шедшая уже с полными вёдрами женщина остановилась.

– Вася?! – закричала она. – Васенька, родненький мой, ты вернулся?!

У Василия ком подкатил к горлу, а слёзы струились по щекам. На сделавшихся ватными ногам он с трудом сошёл с саней и едва устоял, когда жена, рыдая, бросилась ему на шею.

– Васенька, любимый мой, ты живой вернулся! – причитала она, целуя его залитое слезами лицо. – Ты дома, Васенька! Как я ждала тебя, как ждала! Я ведь всегда верила, что живой ты и вернёшься домой!

– Ну что ты... ну что ты, – глядя её по голове, шептал он, не слыша собственных слов. – Я всегда хотел домой. И вот тут я... я...

Слова кончились, а вместо них лишь глухие рыдания вырывались из груди braveго казака Боева, которому пришлось пережить так много, чтобы выжить и вернуться домой. Из избы вышли престарелые родители. Мама всплеснула руками и поспешила к воротам. Отец ковылял следом, опираясь на клюку. Василий обнял стариков и прижал к своей груди.

– Всё, в избу айда, – с трудом справившись со своими чувствами, сказал он. – Люди вон собираются, стыдно ведь...

Около часа он обнимался и целовался с женой, детьми и родителями. Наконец, отец смахнул рукавом слёзы с покрасневших глаз:

– Всё, будя, дайте Ваське в себя прийти.

Сложив руки на коленях, старый казак молча наблюдал, как жена суетится у стола, а сноха поливает из ведра склонившегося над тазом сына. Мать принесла чистое полотенце и холщёвую косоворотку.

– Вот, сынок, твоя ещё. Тебя в сундуке дожидалась...

Как только они уселись за стол и заполнили рюмки водкой, чтобы выпить за встречу, в избу вошли старики Андронови. Василий покраснел, увидев их: до того постыдным показалось ему увидеть родителей погибшего Еремея в то время, как он сам жив.

– Извиняйте, что не ко времени мы, соседи, – сказал Матвей Кузьмич. – Вы кушайте, выпейте, а мы на Васеньку поглядим маленько да и уйдём...

И вдруг он шмыгнул носом и поднёс платочек к глазам. Тут же залилась слезами и его супруга. Василий, глядя на них, замер, не зная, как себя вести.

– Я вот сам к вам прийти собирался нынче, – сказал он глухим голосом. – Мыслил вот, посижу маленько и...

– Как Ерёмка наш погиб, Васенька? – спросил Матвей Кузьмич, кое-как справившись с волнением. – Геройски, как казаку подобает?

– Как самый настоящий герой в бою пал ваш Ерёма, – сказал Василий. – Я рядом был, когда он... – Вспомнив о наказе земляка, он достал из кармана его нательный крестик и протянул убитым горем старикам. – Вот он супружнице своей Варваре передать велел в память о нём.

– Так ведь год уж как её на свете белом нет, – вздохнула, беря крестик, мать Еремея. – И два других сыночка наших на войне погибли. Вот только Ванечка, сыночек Ерёмушки, у нас на руках остался, сиротинушка наша сердешная.

Она снова залилась слезами, но Матвей Кузьмич грубовато, по-мужицки, одёрнул супругу.

– Чего ты тут влагой брыжжешь! – сказал он сердито. – У людей праздник, а ты... Василий? – обратился он к Боеву. – Обскажи нам, как погиб сыночек наш родненький?

И Василию пришлось рассказать старикам, как казаки попали под обстрел артиллерии, как умирал их сын, как его хоронили в братской могиле. Мать Еремея разрыдалась. А старик Андронов встал, обнял его и сказал растроганно:

– Спасибо тебе, казак, за весточку о сыне нашем! Нам тяжело, и вам там не легче приходилось. Живи, Василий, раз Господь выбрал тебя и всегда цени Божью милость.

Попрощавшись, старики Андроновы, придерживая друг друга, ушли. Василий не смог совладать с чувствами и поспешил на улицу. По его щекам текли слёзы. Он не скрывал их. Как казак выдержал все эти тяжёлые годы? Василий поднял лицо к небу и вдохнул полной грудью морозную свежесть, но облегчения не было. И вдруг...

– Вася, айда в избу? – позвала супруга, незаметно для него оказавшаяся рядом.

– Папа, айда? – позвал старший сынишка.

– Айдайте, родные мои, – сказал Василий, обняв их.

– Пап, а ты не уйдёшь больше на войну? – спросил мальчонка. – Ты же навсегда к нам вернулся?

Его вопросы тронули Василия до глубины души. Он присел перед сыном на корточки и, глядя в его печальные глаза, сказал:

– Я никогда больше не оставлю вас, родные мои. Нет ничего лучше и нет счастья больше, чем жить среди родных людей, любить их и быть любимым! И ты запомни, сынок, что любая война несёт в себе горе и смерть. И нет ничего краше мирной людской жизни!

с. Сакмара, 2013 г.

Война милиционера Сумкина

повесть

*Сакмарскому районному отделу милиции и
светлой памяти
Дмитрия Григорьевича Сумкина
посвящаю*

Небо затянули чёрные тучи. Заморосил дождь.

В лесу тихо. На мосту через реку тоже тихо и пусто. Сева Висков оказался прав: охранники ушли, бросив мост на произвол судьбы...

Ближе к полуночи на лесную опушку у реки вышли около десятка человек.

– Взрывчатку не потеряли? – спросил шагнувший впереди высокий человек, стараясь говорить приглушенно.

– Взрывчатка с нами, – ответил шёпотом здоровяк с тяжёлым вещмешком за плечами. – Только вот взрыватели...

– Что взрыватели? – обернулся к нему высокий. – Только не говори, что они пришли в негодность.

– Отсырели они, – ответил здоровяк. – Когда я в болото приземлялся, то...

– Лучше бы ты к чёрту на рога приземлился, Сумкин, – процедил сквозь зубы высокий. – Не сделаем дело – из-за тебя, ротозея, все под трибунал угодим!

Сумкин, чувствуя за собой вину, задрал вверх лицо, подставляя под дождь. А тучи всё сгущались, всё громоздились: не было видно ни одной звезды.

«Если ливень пойдёт, ещё труднее придётся, – подумал он. – Тогда крепить к сваям моста взрывчатку и вовсе не имеет смысла... И что же тогда делать? Позволить врагу беспрепятственно отступить на другой берег?»

– Товарищ командир, – обратился он к высокому. – В такой ливень на взрывчатку надеяться не приходится. Но мост деревянный, и можно попробовать уничтожить его другим путем!

– Что предлагаешь, Димок? – заинтересовался командир. – Говори, если по существу... Нам терять время нельзя: отступающий враг уже утром придвинется к мосту.

– Сжечь его тоже не получится, – принялся размышлять Сумкин, – а вот если опоры подпилить? У нас есть пара топоров, ножовки и пила двуручная.

– Дело говоришь, – одобрил командир. – В нашей ситуации другого пути я не вижу.

Он обернулся к притихшим бойцам:

– Все слышали, что делать надо? Разобрать инструменты – и под мост, а кому не хватит, залечь в охранение с обеих сторон моста!

Итак, о том, что мост неохраняемый, они знали. Но и враги тоже знали. Да и не в правилах немцев было такое головотяпство. И всё же стоило поторопиться. Уже завтра утром отступающие немецкие части подойдут к мосту, и нельзя позволить им благополучно через него переправиться.

– Бойцы, – обратился командир к подчинённым. – Мы сюда прибыли с важным заданием. Мы должны уничтожить мост, даже если все до одного поляжем здесь! Немцы со своей тяжёлой техникой завязнут здесь, у реки, и тогда именно здесь они полягут благодаря нашей скромной лепте в масштабах войны!

Бойцы приближались к мосту короткими перебежками. Они были настороже. Хотя посланный разведчик и не обнаружил на мосту боевого охранения врага, можно было ожидать чего угодно. Открытая с двух сторон вода делала мост светлее, чем берег. Если немцы затаи-

лись где-нибудь в засаде, бойцы-десантники были для них прекрасной мишенью. А тут ещё пилы и топоры в руках вместо оружия...

Достигнув середины моста, бойцы остановились. Они немного подождали, прислушиваясь к ночным звукам.

– Ну, чего ждём, начинайте, – прошептал приказ командир. – Пока время работает на нас, но рассвет уже близок!

Дождь усилился. Бойцы восприняли ливень как отличное прикрытие от возможного появления немецких охранников и с рвением взялись за работу.

Мост стоял на пяти опорах и был длинным. Командир перегнулся через перила и посмотрел вниз.

– Пилите здесь! – приказал он шёпотом.

Бойцы рассредоточились по мосту в тех местах, где находились опоры. Они обвязались верёвками, перегнулись через перила и спустились на поперечные балки, чтобы распилить их. Через час мост трещал, чуть прогнулся, но стоял.

– Всё, достаточно, – сказал командир, как только уставшие бойцы прекратили работу для кратковременной передышки. – Не то он рухнет до того, как на него зайдут немцы...

К ним подбежал один из бойцов, охранявший подход к мосту у противоположного берега.

– Там вдалеке показался свет фар и слышен гул двигателей, – доложил он, запыхавшись. – Похоже, немцы опомнились и возвращают на мост охрану!

– Всё, уходим! – крикнул командир. – Здесь ничего не оставляйте, всё лишнее в воду!

Бойцы вернулись на берег и затаились.

Немцы подъехали на нескольких мотоциклах. Заглушив двигатели, они зашли на мост и приступили к осмотру.

– Откуда их принесло, – проворчал со злостью командир. – Видать, им что-то здесь понадобилось.

– А может, языка взять, Сергей Петрович? – предложил Сумкин.

– Нет, опасно, себя обнаружим, – возразил командир.

– А если они обнаружат, что с мостом не порядок? – спросил Сева Висков, боец, который ходил первым на мост в разведку.

– Тоже недопустимо, – пробубнил командир задумчиво.

– Разрешите к мосту сходить, Сергей Петрович? – спросил Сумкин. – Я захвачу языка «тихо и без шума»...

– Не хвастай, – огрызнулся командир. – Тихо и без шума... Это смотря на какого фрица нарвёшься! – Он повернул голову влево и спросил у Севы: – Как думаешь, справишься потихоньку?

– Легко, – ответил боец.

– Уверен?

– На все сто. Сам знаешь, Петрович, кое-какая подготовка имеется!

– Тогда иди, – вздохнул командир. – Только шуму не надей, ни к чему он нам...

Группа из десяти человек готовилась к заданию тщательно. Бойцы были набраны из подразделений НКВД и имели отличную подготовку по ведению боевых действий в тылу врага. Каждый из них стоил десятка вражеских солдат, к тому же люди могли выживать и сражаться в любых условиях...

Сева бесшумно отполз от укрытия и испарился в ночи.

Десантники затаились. Никто не произносил ни слова, но сердца бились учащённо. Им предстояло очень ответственное дело: вывести из строя важный объект. А когда злополучный мост был выведен из строя, появились охранники. Если они обнаружат, что балки подпилены...

По знаку командира бойцы тут же собрались вокруг него.

– Какие будут мысли или предложения? – спросил Спицин, не отводя изучающего взгляда от моста.

– Знать бы, какие мысли у немцев, – вздохнул с сожалением Дмитрий Сумкин, проведя ладонью по гладкому прикладу ППШ. – Почему они мост изначально бросили и охрану сняли, а теперь вернулись и вон как осматривают дотошно?

– Знать бы, где упасть, соломки бы подстелил, – усмехнулся Андрей Болотов. – Ясно одно: немцам мост этот почему-то понадобился! Казалось бы, ничего в нём особенного, танки и по целому не прошли бы, а вот...

– У немцев и без танков есть много чего такого, что на другой берег перевезти надо, – проговорил командир. – Только вот действительно здесь много чего не вяжется...

– Да все тут вяжется, Петрович, – горячо заметил Дмитрий. – Не нужен немцам мост этот был! Не стоил он того, чтоб за него держаться!

– Тогда такой к тебе вопрос, Димок, – командир повернул к нему лицо. – Если им этот мост не нужен, тогда почему они его не взорвали или не сожгли при отступлении?

– Ясно почему, – зашептал горячо Андрей Болотов, – они ведь не насовсем отступить решили, а временно! Зачем уничтожать мост, когда он снова может понадобиться для нового наступления на Москву?

Бойцы замолчали, но ненадолго. Первым заговорил Иван Снегирёв:

– Вроде бы все мне понятно в задании нашем, только вот в толк не возьму: почему этот мост авиацией не разбомбили?

– Есть на то причины, не сомневайтесь, – усмехнулся командир. – Так и быть, расскажу теперь, слушайте. Хочу, чтобы знали вы, за что и чего ради мы все жизнями рискуем...

– Ясно чего ради, – прошептал кто-то из бойцов. – Ради победы над Германией и ради защиты от фашизма нашей Родины!

– Молодец, что напомнил, Ширин, – хмыкнул командир. – А ещё ради того, чтобы мост этот тихо убрать! В этом месте, где он стоит, река изгиб делает. Вот в этот угол решено командованием немцев загнать и расчихвостить в хвост и гриву. Немцам отступить некуда будет: сзади река, слева и справа тоже река! Они, как волки, в угол загнаны. Через мост им тоже не переправиться – уничтожим мы его! Теперь уяснили, что нам хоть тресни, а поставленную задачу выполнить надо?

– А разбомбить почему нельзя было? – снова спросил Снегирёв.

– Для тугодумов объясняю ещё доходчивее, – заговорил вполголоса и с нажимом командир. – Авиацией быстрее было бы, согласен. И командование тоже «согласно», но бомбовый удар с воздуха не только разнесёт в щепки мост, но и привлечёт внимание немцев. Тогда они не будут отступать в этом направлении и не попадут в западню! Ну? – Он посмотрел на притихших бойцов. – Кому объяснить ещё доходчивее?

В ответ молчание.

– Тогда по местам и затаились, – приказал командир. – Дождь кончился, тучи расходятся, но это не значит, что можно расслабиться и потерять бдительность. Бойцы расползлись по своим местам, а командир поднёс к глазам бинокль.

– Что, видно чего-нибудь, Петрович? – спросил Сумкин, жуя травинку.

– Да ни хрена, – ответил тот, отводя бинокль в сторону. – Это я так, по привычке.

– Понятно, – пожал плечами Дмитрий. – Нервы успокаивает...

– Подначивать будешь – зубы вышибу, – сердито буркнул командир.

– А я и не подначивал вовсе, – усмехнулся боец. – Я просто поинтересовался и всё тут...

Командир отложил бинокль и повернулся вполоборота к Сумкину.

– Вот давно я тебя спросить хотел, – начал он, – говорок у тебя какой-то мудрёный? В своё время, до войны, я много по стране колесил. Слышал и окающих, и акающих, а вот, как ты говоришь, слышать не доводилось?

– В Чкалове бывал, когда по стране путешествовал, Петрович? – спросил в свою очередь Дмитрий.

– Нет, даже проездом не был, – ответил командир заинтересованно. – Слышал вот, что степи там кругом необозримые, да Пугачёв там когда-то давно восстанием руководил.

– Было такое, – хохотнул Сумкин. – А вот степи там, на родине моей, действительно необъятные! Пропадёт тот, кто степи не знает и без провожатого поедет!

– Так что там у вас, ни рек, ни озёр, ни леса? – спросил командир. – И почему ты так о степи безлюдной говоришь, как будто ею гордишься? Я бывал в волжских степях, в ростовских, на Кубани... Никаких впечатлений, поверь мне!

– Не поймёт степь, кто не родился на её просторах, – сказал мечтательно Дмитрий. – Для тебя, Петрович, степь – это голая равнина и ничего более. Эдакие степи ты и видел. А степь оренбургская совсем не такая. Она вовсе не ровная до бесконечности, а волнистая. И лесов много в степи нашей, много оврагов с родниками, озерцами и речушками малыми. А какова весной степь оренбургская!.. – Говоря это, боец закатил глаза, но командир не рассмотрел на его лице восторга, так как вокруг всё ещё царилась ночь. – Осенью степь некрасивая, – продолжил Дмитрий. – Она выгорает за лето и имеет неприглядный вид. Но весной и в начале лета... Трава высокая, сочная, пышная, а цветов... Видимо—невидимо! Особенно в долинах и перелесках. Вовремя скоси эту траву, получишь сено душистое и мягкое!

– Тебя слушаешь, то степь – рай божий и никак не менее, – тихо рассмеялся командир. – Я вот с Алтая... В горной местности жил. Вот у нас там природа – дай бог каждому!

– Ха, у нас тоже горы есть! – воскликнул негромко Дмитрий. – Правда не совсем горы, а отроги гор Уральских. Вот там травы поменьше... На хребтах вдоль речек травы мелкорослые... Ковыль, полынь, чабер, травка богородская... Нет, Петрович, кто не жил в степи нашей, тому не понять её!

– Тебя слушая, можно подумать, что ты среди степи родился и вырос, – хмыкнул командир.

– Нет, родился и вырос я в селе с певучим названием Сакмара! – сказал, вздыхая, боец. – Не в степи и не в лесу стоит село наше, а на границе леса и степи.

– Не удивлюсь, если скажешь, что ты казачьего происхождения, – подковырнул командир.

– А что, скрывать нечего, – ответил Дмитрий простодушно. – Сакмару основали яицкие казаки в 1720 году. Тогда её Сакмарским городком назвали. Городок наш первым поселением в оренбургской степи был и...

– Цс-с-с, – приложил палец к губам командир. – Кажется, что-то движется в нашу сторону. Приготовьте оружие, товарищи! Если немцы – вступим в бой!

Тревога оказалась ложной. Это вернулся Сева с захваченным на мосту немцем. Боец схватил за ворот шинели пленника и, крепко выругавшись, швырнул его к ногам командира.

– Кто ты? – спросил у немца Сергей Петрович. – Номер части и название подразделения?

– Найн... найн! – замотал головой пленник. – Гитлер капут! Гитлер...

– А ну заткнись, падла! – рыкнул на него Сева и легонько пнул под дых.

– Не понимает он ни хрена по-нашему, Петрович, – процедил сквозь зубы лихой боец, намериваясь пнуть немца в живот ещё раз. – Я его сразу срисовал, когда к мосту крался. Стоит, падла, курит, будто у себя дома. У меня аж все закипело внутри. Он, значит, курит, а я тихонько на огонёк крадусь.

Боец замолчал, подумав, что его «доклад» не интересен командиру.

– Чего же ты ему докурить не дал? – спросил командир, усмехаясь.

– Не дал, – улыбнулся Сева. – Я вынырнул из кустов у него под носом и сказал: «Хенде хох!».

– А он что, сразу руки кверху поднял? – спросил кто-то из бойцов.

– Какой там... Он оторопел, а сигарета запрыгала в губах, будто барабанная палочка. Сева подбоченился:

– Шмайсер давай, сказал я ему, а он ни в какую! Уразумел, подлюга, что вляпался по самое «не хочу». Тогда я и зарядил ему кулаком в грызлю. Этот и не пикнул совсем. Только он рухнул на землю, как второй фриц подошёл. Но с тем я уже даже не разговаривал, звезданул промеж «рог» и... Как только он на землю грохнулся, ножом добил.

Пленный зашевелился и что-то сказал на немецком языке.

– Фролов? – позвал командир бойца, взятого на задание в качестве переводчика. – Спроси у этого «крестonosца», чего он там лопочет?

– Я слышал его слова, – ответил боец, подходя ближе. – Он спрашивает, кто мы – армейцы или партизаны?

– Скажи ему, что не его сейчас время вопросы задавать, – приказал командир. – Спроси, кто он есть такой и с какой целью их отряд на мост прибыл?

Фролов перевёл пленному вопрос командира, а когда тот дрожащим голосом дал ответ, сообщил:

– Он говорит, что служит в сапёрном батальоне. А к мосту их не для охраны прислали. Чтобы дорогу за мостом разминировать и для отступающей дивизии путь освободить!

– Вот значит как, – задумался командир. – Теперь мне ясно становится, почему фрицы, отступая, мост не уничтожили и охрану сняли.

– Почему? – спросил Дмитрий, опередив остальных.

– Да они ловушку нашим войскам готовили, – ответил командир. – Наши мост переходят, развивают наступление и как раз на минные поля попадают! А там, за полями то бишь, я больше чем уверен, ещё страшнее сюрпризы ждут!

Он повернулся к переводчику:

– Спроси-ка у него, Василий, как много мин фрицы в землю уложили?

Пленный нервно завозился на месте, но ответил. Фролов перевел:

– Километров по пять, по обе стороны дороги. Дорогу тоже заминировали основательно. Сразу за минными полями дзоты, а уже за ними танки и артиллерия. Немцы ждут крупное наступление с этой стороны.

– Что и требовалось доказать, – подвёл черту командир, но, подумав, снова обратился к переводчику: – Спроси, сколько фрицев на мост прибыло.

– Восемнадцать, – ответил боец, переговорив с пленником.

– Теперь уже шестнадцать, – пошутил Сева. – Одного я прирезал, а второго... Петрович, а этого куда? – он указал на захваченного немца. – Балласт нам не нужен, так ведь?

– Отведи в лес, раздень догола и к дереву привяжи покрепче, – ответил командир задумчиво.

– А может, того, нож в грудь и...

– Ты будто не в милиции служил Сева, а блатной из лагеря, – посмотрел на него с осуждением командир. – Ну? Чего тебе сделал этот заморыш? Он не эсэсовец и не полицей. Поди ремесленник или пивовар, силком в армию призванный...

Фролов тут же обспросил пленного относительно его гражданской специальности и доложил:

– Сапожник он из Дрездена. В армию всего два месяца назад призвали.

– Вот видишь, а ты жизни его лишить хотел, – посмотрел укоризненно на Севу командир. – Он не только набедокурить не успел, а даже пороху не понюхал!

– Айда, пролетарий, – Сева схватил пленного за ворот и поволок в кусты. – Всю ночь комаров нагишом кормить будешь. А они у нас не такие, как у вас в Германии. Наши комары падлы злющие. Они тебя так, тихо «по-семейному» сожрут!

Близился рассвет. Бойцы подходили к мосту короткими перебежками.

Немцы уже нервничали. Они бегали по мосту туда—сюда, громко выкрикивая имена пропавших: «Ганс?! Мартин?!».

Под мостом журчала вода. Пенилась, наталкиваясь на опоры. Берега реки в утреннем полумраке казались безжизненными. Неподалёку от моста на другом берегу стоял бревенчатый домишко.

Два немецких солдата с автоматами наизготовку подошли к краю моста. Они внимательно всматривались в темноту. А когда, ослабив бдительность, подошли друг к другу, из кустов выскочили Висков и Сумкин. Немцы не успели даже схватиться за оружие, как бойцы набросились на них. Несколько взмахов рук, и немцы уже обмякли и повалились на настил.

– Живо переодеваемся, – прошептал Дмитрий, вытирая окровавленное лезвие ножа о пятнистую непромокаемую шинель убитого врага.

Нападение длилось миг. Бойцы снова скрылись в кустах, куда затащили и убитых. А минуту спустя по мосту снова шли два «немца». Шинели, каски, сапоги, автоматы на груди... На вид всё в порядке. «Немцы» доходят до середины моста и останавливаются. Держа автоматы наизготовку, они не сводят глаз с другого берега.

Командир с остальными бойцами переплывали на другой берег под мостом. Одежду и автоматы они оставили на берегу, но ножи крепко держали в зубах.

У моста, около бревенчатого домика, стали собираться немецкие солдаты. Они, видимо, только что закончили разминирование дороги, а теперь готовились встретить отступающие части дивизии.

Немцы оживлённо переговаривались и недоверчиво посматривали на мост, казавшийся им шатким и ненадёжным. Командир подплыл к последней опоре и прижался к ней. Переводчик так же обхватил столб руками и, не дожидаясь вопроса, зашептал в ухо командира содержание разговора немцев:

– Мост им не нравится, Петрович. Они уже пролезли под ним, но зарядов не нашли, а наших подпиллов из-за темноты не заметили...

– Хоть то отрадно, – прошептал командир и сделал знак пловцам продолжить движение.

Немцы с берега окликнули стоявших на мосту Сева и Дмитрия, принимая их за своих. Бойцы, не поняв ни слова, лишь помахали им руками. Тогда немцы снова закричали им, требуя, чтобы они возвращались. Но бойцы снова не поняли ни слова и «приветливо» замахали руками.

Их поведение насторожило немцев, и они вскинули автоматы.

Тогда Сева и Дмитрий открыли по ним огонь, падая на настил. Завязалась перестрелка.

Всё дальнейшее разыгралось в один миг. Из-под моста, с двух сторон, как привидения, выскочили бойцы, заранее зная, кому и как действовать. Они молниеносно рассыпались по берегу, и вскоре несколько солдат противника корчились на земле в предсмертных судорогах.

Тогда немцы открыли беспорядочную стрельбу, но попасть в голых и подвижных «чертей из-под моста» им не удавалось. И момент был упущен.

Бойцы успели вооружиться автоматами убитых врагов. Немцы попятись. Один, другой... Скошенные несущим смерть свинцом, они со стонами валились на землю.

Те, кто ещё был жив, стали искать укрытие, которое защитило бы их, но нападение застало их врасплох и вызвало панику.

Тем временем Сева и Дмитрий, стреляя на ходу, побежали на другую сторону моста. Вдруг Висков споткнулся и упал на деревянный настил.

Тогда Дмитрий, забыв об опасности, подхватил раненого товарища и с трудом потащил его обратно к насыпи. Сева оказался намного тяжелее, чем думал Сумкин. Беспомощного человека всегда трудно тащить.

Наконец Дмитрию удалось оттащить Вискова в безопасное место, и он вернулся на мост. Вокруг свистели пули, но ни одна из них не коснулась тела отважного бойца.

– Никого не выпускать, всех перебить! – кричал командир, стараясь, чтобы его услышали. – Ни один фашист не должен удрать, иначе все старания наши напрасны!

Но бойцы и сами понимали это и выкладывались изо всех сил.

Бой был коротким, а потери минимальными. Солдат противника перебили всех, а раненых... Их просто добили. Не было возможности у бойцов возиться с ними, а оставить их в живых их не позволяла обстановка.

В отряде убитых не было, хотя ранения получили все, двое – тяжёлые.

По приказу командира трупы немцев раздели догола и сложили в домике у моста.

– А теперь облачайтесь в их одежду, – морщась, командовал Петрович и добавил: – Будь она неладна.

Бойцы нехотя натянули на себя форму и обступили командира в ожидании дальнейших распоряжений.

– Поступим так, – сказал он задумчиво. – Трое марш на дорогу и срочно её минировать. Вы должны задержать врага, если они поспешат к мосту во время боя. Все остальные на мост. Будем изображать охрану, чтобы отступающие поверили, что с мостом всё в порядке, и начали переход по нему без осмотра.

– Думаешь, всё получится, Петрович? – спросил Дмитрий, глядя на серебрящееся небо.

– Думай не думай, а мы сделали всё, что могли, – ответил командир. – А теперь все по местам...

– А ты чего задумал, Петрович? – задержался возле командира Дмитрий, увидев, как он связывает вместе несколько противотанковых гранат.

– Будешь за старшего, – не глядя на него, приказал тот. – А я... я под мост сяду. Вдруг подпиленные балки выдержат врага, тогда... У нас не должно быть промашки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.